

КАВАЛЕРІЙСКІЕ ОЧЕРКИ.

Ф. ЛИНГВЪЛЬ-АДЪЮТАНТА

КНЯЗЯ ЭМИЛІЯ ВИТГЕНШТЕЙНА.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

О КАВАЛЕРІИ ВООБЩЕ.

Со времени усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, послѣдовали значительныя измѣненія въ способѣ употребленія кавалеріи въ бою, сравнительно съ первою половиною нынѣшняго столѣтія.

Въ прежнее время, кавалерія, располагаясь въ боевомъ порядкѣ и развертываясь передъ непріателемъ, могла не только угрожать ему атакани, но даже имѣла возможность, для содѣянствія прочимъ родамъ войскъ, съ успѣхомъ атаковать сожнутую пѣхоту, такъ какъ кавалерія выстраиалась внѣ выстрѣловъ и, доскакавъ до непріательской пѣхоты въ карьеръ, могла, быстротою движенія, уменьшать дѣйствительность непріательскаго огня.

Въ настоящее время, дальность штуцернаго выстрѣла доходить до 1,500 шаговъ; поэтому кавалерія должна выстраиваться и готовиться къ атакѣ на разстояніи уже несравненно дальнѣйшемъ отъ непріателя, чѣмъ прежде; при самой атакѣ она не можетъ, какъ прежде, прямо двигаться въ карьеръ, но должна, по крайней мѣрѣ, половину разстоянія идти рысью.

Необходимымъ слѣдствіемъ такого образа дѣйствія будетъ то, что кавалерія дойдетъ до непріятеля въ безпорядкѣ и разстроена огнемъ до такой степени, что успѣхъ атаки сдѣлается весьма сомнителенъ.

Если прежде кавалерія могла выказываться, то теперь она должна укрываться, чтобы не терять даромъ людей и лошадей и имѣть возможность, быстрыми передвиженіями и внезапнымъ появленіемъ на флангахъ непріятеля, отстранить невыгоды фронтальной атаки съ дальняго разстоянія. Наконецъ, обязанность удерживать вдали отъ нашего фронта непріятельскую артиллерию, лежавшая прежде на кавалеріи, перешла теперь на стрѣлковъ, вооруженныхъ нарѣзнымъ оружіемъ.

Донинѣ, для атакъ на пѣхоту предназначалась кавалерія преимущественно тяжелая — кирасиры; теперь же, по выше приведеннымъ причинамъ, кирасиры становятся столько же бесполезны, сколько были бы бесполезны средневѣковые рыцари во времена принца Евгенія или Фридриха Великаго.

Въ одиночномъ бою, тяжелая кавалерія неповоротлива, и потому преимущества ея въ дѣлѣ противъ легкой кавалеріи существуютъ только въ воображеніи; при дѣйствіи противъ пѣхоты, тяжелое ея вооруженіе, не выдерживая штуцернаго выстрѣла, оказывается бесполезнымъ и даже вреднымъ, отнимая возможность двигаться быстро. Стойкую пѣхоту тяжелая кавалерія едва ли можетъ атаковать съ успѣхомъ; плохая же пѣхота не выдержитъ атаки ни легкой, ни тяжелой кавалеріи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что кавалерія должна быть снаряжена возможно легче, чтобы продолжительностію и быстротою движеній возстановить значеніе, утраченное ею вслѣдствіе увеличившейся дальности новаго огнестрѣльнаго оружія.

Разсмотримъ, въ чемъ должно состоять, въ настоящее время, назначеніе кавалеріи.

1. Развѣзжая впереди и на флангахъ расположенія нашихъ войскъ, кавалерія должна осматривать мѣстность и собирать свѣдѣнія о дорогахъ, о средствахъ страны къ веденію войны, о расположеніи силъ противника и проч.

2. Въ походѣ кавалерія наблюдаетъ за непріятелемъ, прикрываетъ фланги, служа, такъ сказать, щупальцами главныхъ силъ.

3. Производя демонстраціи, кавалерія вводитъ непріятеля въ заблужденіе относительно нашихъ истинныхъ намѣреній, стараясь выманить его изъ выгодныхъ позицій.

4. Выставляя аванпосты и посылая разѣзды, кавалерія обезпечиваетъ расположеніе нашихъ войскъ внѣ боя, а производя мелкія нападенія, тревожитъ и утомляетъ непріятеля.

5. Она высылаетъ летучіе отряды въ тылъ непріятеля; нападая на отдѣльные отряды, транспорты, захватывая курьеровъ, уничтожая телеграфы, портя мосты, желѣзныя дороги и проч., прерываетъ его сообщенія.

6. При блокадѣ крѣпости, кавалерія должна охватывать ее подвижною сѣтью, пресѣкая всякое сообщеніе гарнизона съ окрестною странюю.

7. Въ бою, кавалерія должна пользоваться всякимъ разстройствомъ непріятеля, стараясь скрытно приближаться и внезапно атаковать отдѣлившіяся пѣхотныя и артиллерійскія части; она должна прикрывать отъ обхода фланги нашей позиціи, а разбитаго непріятеля преслѣдовать неотступно, чтобы довести его до конечнаго разстройства, захватить его артиллерію и обозы. Однимъ словомъ, *систематическія партизанскія дѣйствія, въ большихъ размѣрахъ, должны быть главнымъ назначеніемъ кавалеріи въ настоящее время.*

Не всякое государство можетъ имѣть истинную кавалерію, потому что кавалериста образовать нельзя. Кавалеристы рождаются. Хотя и есть хорошіе наѣзтники отъ природы, но искусство и практика могутъ также содѣйствовать образованію наѣзтника; напротивъ, *кавалериста* не создашь, какъ не создашь поэта или музыканта.

Восточные народы, а въ Европѣ Англичане—наѣзтники, но не кавалеристы.

Житель восточныхъ странъ довольствуется малымъ, легко переноситъ труды и лишения; онъ смѣлъ и бдителенъ, но только подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма или въ набѣгѣ, на собственномъ конѣ и съ своимъ оружіемъ. Поставленный во фронтъ, въ мундирѣ, неловко сидя на форменномъ сѣдлѣ, неловко владѣя непривычнымъ казеннымъ оружіемъ, не довѣряя ни себѣ, ни товарищамъ, ни начальникамъ, тотъ же человѣкъ становится вялъ и неповоротливъ, представляя собой лишь тѣнь прежняго отважнаго наѣзтника, — жалкую каррикатуру того, чѣмъ долженъ быть кавалеристъ.

Англичанинъ смѣло скачетъ по труднѣйшей мѣстности, храбро идетъ въ атаку, но у него нѣтъ самыхъ важныхъ качествъ кавалериста: военнаго такта, осторожности, умѣнія примѣниться

къ мѣстности и способности переносить труды и лишения. Англійскіе офицеры, считающіе нарушеніемъ приличія всякій разговоръ съ солдатомъ, у которыхъ воѣ сношенія съ низшими чинами ограничиваются фронтомъ, не могутъ внушать солдатамъ довѣрія къ себѣ, и тѣмъ болѣе развить въ нихъ чувство собственнаго достоинства. Да и можетъ ли считаться истинною кавалеріей та, которая приходитъ въ разстройство, если люди не получали нѣсколько дней мясной порціи и у которой лошади не выдерживаютъ неизбѣжныхъ трудовъ военного времени, форсированныхъ маршей и бивуаковъ подъ открытымъ небомъ, въ дождь и холодъ? Такая кавалерія, какъ доказала послѣдняя война въ Крыму, годится только на то, чтобы сдѣлать въ началѣ кампаніи нѣсколько блестящихъ атакъ и потомъ, послѣ четырехъ-недѣльной службы, наполнить собою депо и лазареты.

Французъ не созданъ ни наѣздникомъ, ни кавалеристомъ: въ немъ нѣтъ ни заботливости о лошади, ни ухѣнья ходить за нею и сберегать силы лошади и свои собственныя. Но живость и рѣшительность французскаго характера, снѣлость, честолюбіе и ловкость въ одиночномъ бою, даже французское тщеславіе и легкомысліе замѣняютъ многія практическія способности и даютъ возможность французской кавалеріи достигать такихъ результатовъ, которые были бы невозможны Туркамъ или Англичанамъ.

Народы германскаго племени не рождены наѣздниками, но твердость и постоянство, свойственныя характеру ихъ хладнокровіе и точность, особенно же способность ходить за лошадьми дѣлаютъ Нѣмцевъ природными кавалеристами.

Наконецъ, народы славянскаго племени, также Мадыры, Румыны и друг., обладая въ высшей степени всѣми качествами наѣздника, по преимуществу способны къ кавалерійской службѣ.

Начальникъ кавалеріи.

Начальникъ кавалеріи долженъ соединять съ опытностію и твердостію характера достаточныя физическія силы, чтобы быть въ состояніи служить примѣромъ своимъ подчиненнымъ. Онъ долженъ уметь, сообразивъ положеніе, быстро сдѣлать нужныя распоряженія; но ему необходимо предоставить власть дѣйствовать самостоятельно тамъ, гдѣ краткость времени и обстоятельства не позволяютъ ждать приказаній.

Нерѣшительность, слабое здоровье и педантическій, мелоч-

ной характеръ препятствуютъ начальнику приобрести прочное вліяніе на солдатъ и уничтожаютъ въ нихъ всякую къ нему привязанность.

Начальникъ долженъ знать своихъ подчиненныхъ, чтобы уметь выбирать исполнителей своихъ порученій.

Не вредя пѣлому, онъ долженъ уметь дать просторъ дѣятельности подчиненныхъ, чтобы они собственнымъ опытомъ приобретали рѣшительность и самостоятельность — качества, необходимыя для каждаго кавалерійскаго офицера.

Начальникъ обязанъ всегда внимательно, неутомимо наблюдать за исполненіемъ своихъ приказаній, чтобы поправить, если нужно, ошибку и замѣтить правильность всмоленія; однимъ словомъ, онъ долженъ уметь доказать, что ничто не укроется отъ его вниманія.

Строгая дисциплина, не переходящая, впрочемъ, въ мелочную придирчивость, справедливость, хладнокровіе въ трудныхъ обстоятельствахъ, ясность при отдачѣ приказаній, дружелюбный тактъ въ обращеніи съ офицерами и нижними чинами — вотъ тѣмъ, что приобретается любовь подчиненныхъ; заботливость же о ихъ нуждахъ, особенно стараніе беречь людей подъ непріятельскимъ огнемъ приобретутъ ему довѣріе подчиненныхъ. Кавалерія надежна только тогда, когда подчиненные увѣрены въ своемъ начальникѣ, когда они убѣждены, что онъ не допуститъ ихъ терпѣть недостатки и не пожертвуетъ безъ надобности ни однимъ человѣкомъ: безъ этихъ качествъ, безъ увѣренности въ начальникѣ и безъ привязанности къ нему, никакая кавалерія не можетъ быть вполне надежна.

Кавалерійскій начальникъ долженъ помнить, что для него важнѣйшее правило — бережливость: сбереженіе людей и лошадей при форсированныхъ маршахъ, сбереженіе ихъ подъ непріятельскимъ огнемъ, сбереженіе тѣхъ пространствъ, на которыхъ производятся «уражировки», сбереженіе деревень и полей, мимо которыхъ проходитъ кавалерія.

Но, въ настоящее время, жестокость и страсть къ разоренію частной собственности остались принадлежностями только новѣйшихъ Вандаловъ, Турокъ и Англичанъ; у другихъ народовъ способъ веденія войны не допускаетъ, благодаря Бога, подобныхъ остатковъ варварства и челоуѣколюбіе считается нынѣ первымъ добродѣтелемъ воина. Потому начальникъ, безжалостно истощающій ту страну, которая продовольствуетъ его отрядъ,

допуская грабежъ или разореніе изъ гнѣва или по другимъ побужденіямъ, столько же унижаетъ свое благородное званіе, сколько и тотъ, кто, изъ неумѣстнаго честолюбія или изъ упрямства, безъ надобности подвергаетъ вѣренный ему отрядъ непріятельскому огню, или изъ зависти не подаетъ помощи находящемуся въ опасности отряду своего сослуживца-соперника. Мѣсто подобному начальнику передъ военнымъ судомъ, а не передъ фронтомъ.

На ученіи кавалерійскій начальникъ долженъ умѣть, разнообразіемъ и живостію движеній и небольшими маневрами, внушать людямъ, вѣстѣ съ знаніемъ дѣла, охоту и любовь къ нему. Пусть ученіе скорѣе утомитъ людей, чѣмъ наскучитъ имъ.

Въ полѣ кавалерійскій начальникъ, даже при движеніяхъ въ своей землѣ, долженъ занимать людей посылкою разѣздовъ для осмотра мѣстности, чтобы испытывать и развивать ихъ находчивость, внимательность и осмотрительность. Въ виду непріятеля, начальникъ, небольшими спибками, въ которыхъ успѣхъ былъ бы не труденъ, легко можетъ приучить людей къ бою, тѣмъ самымъ возбудить въ нихъ увѣренность въ себѣ и, такимъ образомъ, исподоволь приготовить людей къ болѣе труднымъ подвигамъ. Но посылать не бывавшій въ полѣ отрядъ въ рукопашный бой въ тѣхъ случаяхъ, когда успѣхъ сомнителенъ, вредно, потому что отъ перваго впечатлѣнія зависитъ вся дальнѣйшая служба кавалеріи, а если первый опытъ былъ неудаченъ, то надо много времени, чтобы снова оживить упавшій духъ солдатъ.

Напротивъ того, въ молодой кавалеріи, имѣвшей успѣхъ въ первыхъ спибкахъ, является увѣренность въ своей непобѣдимости, и если впоследствии она и потерпитъ неудачу, то неудача уже не будетъ имѣть невыгодныхъ послѣдствій перваго безуспѣшнаго дѣла въ полѣ. Чтобы загладить свою неудачу, такая кавалерія, при первомъ удобномъ случаѣ, пойдетъ въ атаку такъ же смѣло, какъ и прежде, если еще не съ большею отвагою и стремительностію.

Въ полевои сраженіи начальникъ кавалеріи долженъ держать ее сосредоточенно внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ (если мѣстность не позволитъ расположить ее ближе, за какимъ либо закрытіемъ), съ тѣмъ, чтобы кавалерія, поставленная за центромъ боевыхъ линій, имѣла возможность быстро выдвинуться и развернуться въ ту и другую сторону, и ударить на не-

пріятеля прежде, чѣмъ онъ успѣетъ нанести ей значительный вредъ.

Раздробленіе кавалеріи по всему протяженію позиціи, особенно если кавалерійскія части подчинены генераламъ, которые не всегда умѣютъ съ пользою употребить ихъ въ дѣлѣ, только ослабляетъ силу цѣлаго, не давая достаточнаго значенія отдѣльнымъ частямъ. И потому, если только мѣстность допускаетъ передвиженіе съ одного пункта позиціи на другой, необходимо избѣгать раздѣленія кавалеріи.

Впрочемъ, невозможно постановить общихъ правилъ для расположенія кавалеріи въ бою, такъ какъ боевой порядокъ ея зависитъ отъ свойствъ мѣстности, числа и рода войскъ противника и отъ его расположеній. Мы стараемся только доказать пользу, чтобы кавалерійскій начальникъ держалъ кавалерію подъ рукою, въ массѣ, стараясь, по возможности, сохранить ея силы до той минуты, когда является необходимость, для достиженія какой нибудь цѣли, направить туда достаточно сильную часть и не быть въ необходимости сосредоточивать для этого кавалерію, утомляя людей и лошадей, подъ опасностію упустить выгодный для атаки моментъ, или, наконецъ, быть вынужденнымъ рисковать успѣхомъ всего дѣла, пуская кавалерію въ атаку слишкомъ слабыми частями.

Субалтернъ-офицеръ.

Хорошій слухъ и зрѣніе—необходимое условіе для кавалерійскаго офицера.

Близорукость или глухота столько же вредны въ кавалерістѣ, какъ головокруженіе въ матросѣ, ибо отъ тонкости зрѣнія и слуха и отъ рѣшимости офицера весьма часто зависитъ спокойствіе и даже жизнь его подчиненныхъ. Всѣ эти качества тѣмъ необходимѣе, что ни въ какомъ родѣ оружія субалтернъ-офицеру не достается такъ часто дѣйствовать самостоятельно, какъ въ кавалеріи.

Научное образованіе, требуемое нынче, въ большей части государствъ, отъ молодаго офицера, поступающаго въ кавалерійскую службу, такъ же мало замѣняетъ и развиваетъ необходимыя для службы природныя способности, какъ очки не замѣняютъ хорошаго зрѣнія.

Между тѣмъ, трудность офицерскаго экзамена весьма часто лишаетъ службу даровитыхъ и способныхъ людей, потому толь-

ко, что они свои отроческіе годы провели не въ душной учебной комнатѣ, а развивались въ чистомъ полѣ. Можно сказать, что только свободное воспитаніе можетъ развить въ человѣкѣ живость и воспримчивость ума; для полнаго же развитія его на пользу службы было бы достаточно руководства опытнаго ротмистра, помимо всякихъ школьныхъ теорій.

Ученость — необходимое условіе для всякаго офицера специальныхъ родовъ оружія; полевому же офицеру она не только не нужна, но скорѣе вредна. Офицеру даровитому ученость часто даетъ неправильное направленіе, побуждаетъ его умничать, вдавляться въ отдаленныя соображенія, упуская изъ вида ближайшія обязанности.

Для человѣка со слабыми природными дарованіями знаніе наизусть цѣлой бібліотеки не замѣнитъ недостатка умственныхъ способностей, а сдѣлаетъ изъ него педанта, неспособнаго къ дѣлу.

Слишкомъ ранняя ученость бесполезна, и экзаменъ представляется юношѣ камнемъ преткновенія, на первомъ шагу его практической жизни.

Общее школьное образованіе, знаніе живыхъ языковъ, вмѣсто безполезныхъ мертвыхъ, знакомство съ тактикой и военной исторіей, хорошій глазомеръ, любовь къ своему ремеслу, бдительность, впечатлительность и природный умъ — вотъ свѣдѣнія и качества, вполне достаточныя для офицера.

При такихъ условіяхъ, офицеръ, достигая зрѣлаго возраста, живѣе почувствуетъ стремленіе къ умственнымъ занятіямъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ, отъ усиленныхъ занятій въ отрочествѣ, зарождается отвращеніе ко всякому умственному труду (*).

(*) «Всеобщая военная газета» (дармштатская), отдавая справедливость достоинствамъ брошюры князя Витгенштейна, замѣчаетъ о выходкѣ автора противъ научнаго образованія субалтернъ-офицеровъ слѣдующее: «Намъ истинно прискорбно, что авторъ такъ мало цѣнитъ значеніе научнаго образованія офицеровъ и считаетъ его излишнимъ, даже вреднымъ. Мы далеки отъ того, чтобы требовать такъ называемыхъ ученыхъ офицеровъ, да мы и не знаемъ ни одной арміи, гдѣ было бы подобное требованіе; напротивъ, неоднократно слышали жалобы на *неудовлетворительность* того научнаго образованія, которое молодые люди приносятъ съ собою въ полки и которое нерѣдко вредитъ дѣлу. Никакимъ образомъ, слѣдовательно, нельзя допустить, чтобы сила дѣятельности, равно какъ тѣлесная и душевная свѣжесть подавлялись черезъ-чуръ усиленными научными занятіями; если же гдѣ нѣтъ этихъ качествъ, то недостатокъ ихъ должно приписать совершенно другимъ причинамъ, о которыхъ распространяться здѣсь не мѣсто. Надобно только отличать неплодотворную, такъ называемую, ученость отъ основательнаго школьнаго образованія, соединеннаго съ надлежащимъ специальнымъ обра-

Какъ дѣлсничій, образованный въ гимназїи или въ университетѣ, не дѣлается отъ того стрѣлкомъ-охотникомъ, такъ и юноша, ослабѣвшій умственно и физически надъ вычислениями и примѣрами, не похожъ на кавалериста.

Между подобнымъ *искусственнымъ* и природнымъ кавалеристомъ такая же разница, какъ между манежною и степною лошадью.

зованіемъ. Основательное школьное и надлежащее специальное образованіе нужно всякому офицеру, который хочетъ достойнымъ образомъ занимать свое мѣсто въ арміи и положеніе въ гражданскомъ обществѣ. Оно нужно въ особенности и потому еще, чтобы поддержать свое значеніе относительно подчиненнымъ, такъ какъ нынче, по крайней мѣрѣ въ германскихъ арміяхъ, многіе рядовые, вслѣдствіе общей воинской повинности и улучшенія народнаго обученія, стоятъ на высшей степенн образованія, нежели какъ то было въ войскахъ прежняго времени. Нынче истинное значеніе начальника записано больше отъ уваженія и довѣренности, чѣмъ внушаемыхъ, чѣмъ отъ власти наказывать, которою онъ облеченъ. Научное образованіе никому не можетъ быть вредно, меньше всего офицеру. Потому что польза его не только *немедственная*, истекающая изъ запаса приобретенныхъ званій, но преимущественно *посредственная*: научныя занятія, если они бываютъ основательныя и не имѣютъ цѣлью лишь поверхностнаго многознанія, расширяютъ и приводятъ въ логическій порядокъ понятія, пробуждаютъ идеи, возвышаютъ способность пониманія, изощряютъ разсудокъ,—словомъ, содѣйствуютъ зрѣлости всѣхъ духовныхъ способностей. Даже характеръ человѣка закаливается и очищается серьезностію наукъ. А не такіе ли результаты должны имѣть чрезвычайно важное значеніе именно для офицера, и неужели можно опасаться, что ими будетъ ослаблена его практическая годность? «Духъ есть плодотворнѣйшее оружіе человѣка. Образованный офицеръ имѣетъ въ рукахъ несравненно больше средствъ, чѣмъ необразованный; одинъ нестоимъ, другой не знаетъ, что дѣлать» (Пеницъ). Наконецъ, не должно забывать, что, при нынѣшнемъ состояніи военнаго искусства и веденія войны, для генеральнаго штаба (въ который поступаютъ и кавалерійскіе офицеры), какъ и для всѣхъ высшихъ постовъ, съ которыми часто бываютъ соединяемы дипломатическія порученія и гражданскія административныя должности, необходимо обширное умственное и научное образованіе, котораго никто не въ силахъ усвоить себѣ разомъ, при встрѣтившейся надобности, но всякій, сознающій въ себѣ призваніе къ высшему кругу дѣятельности, долженъ приобретать постепенными занятіями. Кто не получилъ основательнаго *предварительнаго* образованія, тому нечего и думать о *дальнѣйшемъ* образованіи самоучкою. Итакъ, не твердите же молодымъ офицерамъ объ излишествѣ или даже о вредѣ научнаго образованія. Стремленіе къ нему отнюдь не такъ велико и не такъ обще, чтобы нужно было препятствовать ему, и до сихъ поръ чаще отсутствіе, чѣмъ излишекъ званій, вело къ вреднымъ послѣдствіямъ. Французскій полковникъ де-Бракъ, кавалеристъ истинно практическій и закаленный въ бояхъ, говоритъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи о форпостной службѣ о французскихъ офицерахъ тогдашняго времени: «Notre éducation se fit sous les coups de sabre, qui décimèrent souvent nos rangs ignorans et maladroits. Notre bonne volonté, notre enthousiasme ne suffisaient point. A chaque pas nous étions arrêtés par cette fatale ignorance: il nous manquait la théorie!» («Наше воспитаніе совершалось подъ сабельными ударами, часто истреблявшими наши малообразованные и неловкіе ряды. Наша добрая воля, нашъ энтузіазмъ оказывались недостаточными. На каждомъ шагѣ мы были оста-

Манежная лошадь, выломанная усиленной выѣздкой, съ высокимъ искусственнымъ ходомъ, годится только на то, чтобы на гуляньяхъ пускать пыль въ глаза зѣвакамъ, и совершенно негодна для службы въ полѣ, тогда какъ степная лошадь, живая и легкая, смѣло мчится, съ сознаниемъ всей своей первобытной силы, и легко переноситъ всѣ боевыя трудности.

Поэтому не въ большихъ городахъ, не подъ крыльникомъ нѣжныхъ маменекъ и заботливыхъ воспитателей надо искать способныхъ кавалерійскихъ офицеровъ, а въ деревняхъ, въ уединенномъ домикѣ лѣсничаго, подъ скромной кровлей степнаго помѣщика или сельскаго священника. Тамъ только можно еще встрѣтить свѣжія сильныя натуры, не испорченныя тисками школьнаго образованія, а свободно развившіяся подъ открытымъ небомъ, лицомъ къ лицу съ природой, въ лѣсу и въ полѣ на охотѣ. Надобно только дать имъ надлежащее направленіе, чтобы натуры эти быстро развернулись изъ своей кажущейся грубости и неотесанности.

Какъ я уже говорилъ, крѣпость силъ, хорошее зрѣніе и слухъ составляютъ, въ нравственномъ и физическомъ отношеніи, необходимое условіе истиннаго кавалерійскаго офицера. Только эти качества даютъ ему бдительность, способность выносить трудности военной жизни, восприимчивость, умѣнье запоминать мѣстность, рѣшимость и самостоятельность въ критическихъ случаяхъ, быстроту соображенія и находчивость въ трудныхъ обстоятельствахъ; даютъ, словомъ, практическій смыслъ, подобный врожденному инстинкту Индѣйца.

Лучшіе практическіе кавалеристы, безспорно, линейные казаки, поселенные на сѣверномъ скатѣ Кавказскаго хребта и живущіе въ постоянной войнѣ съ горскими народами; а между ними много такихъ офицеровъ, которые едва знаютъ грамотѣ.

Я не хочу сказать, что невѣжество обуславливаетъ годность кавалерійскаго офицера; напротивъ, я стараюсь только убѣдить,

навливаемые злополучною необразованностію: намъ не доставало—теоріи!) «Allgemeine Militair-Zeitung», №№ 85 и 86 1859 года, стр. 750—752.

Раздѣляя вполне мнѣніе рецензента «Всеобщей военной газеты», мы сочли не лишнимъ цитировать его отзывъ для лучшаго разъясненія спорнаго вопроса о степени образованности, требуемой отъ субалтернъ-офицеровъ. Въ наше время, подобныя споры не должны бы имѣть мѣста уже потому, что на военное сословіе перестали смотрѣть какъ на особую, замкнутую въ своемъ кругу, касту. Слова: «человѣкъ образованный» и «офицеръ», должны быть въ нашъ вѣкъ синонимами.

Ред.

что кавалерійскому офицеру, болѣе всякой книжной учености, необходимо полное, свободное развитіе природныхъ способностей и истекающая оттуда законченность характера.

Безразличное приведеніе въ одну мѣрку, нравственное уравненіе отдѣльныхъ разнородныхъ личностей, какъ неизбежное слѣдствіе воспитанія въ общественныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, я считаю положительно вреднымъ для кавалерійской службы, при ея настоящихъ требованіяхъ.

Напротивъ того, послѣ разумнаго домашняго воспитанія, для юноши всего полезнѣе будетъ жизнь въ полку, гдѣ онъ развивается подъ вліяніемъ боевыхъ преданій, передаваемыхъ отъ товарища къ товарищу, но гдѣ умственная дѣятельность каждаго не стѣснена ничѣмъ и удерживается только въ границахъ твердыми, неизмѣнными правилами.

Я всегда находилъ, что молодые люди, вступавшіе въ полкъ прямо послѣ домашняго воспитанія, оказывались болѣе дѣльными боевыми офицерами, чѣмъ тѣ, которыхъ личныя убѣжденія и особенности характера слились въ общія правила и предразсудки, вынесенные изъ кадетскаго корпуса.

Кромѣ того, юноша, передъ окончательнымъ вступленіемъ въ полкъ, могъ бы пробыть одинъ годъ въ приготовительномъ заведеніи, чтобы дать надлежащее направленіе пріобрѣтеннымъ имъ дома свѣдѣніямъ, не искупая этого невыгодами воспитанія съ дѣтства въ общественныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Вотъ почему, для приготовленія боевыхъ кавалерійскихъ офицеровъ, надо отдать преимущество юнкерскимъ школамъ надъ кадетскими корпусами.

Солдатъ.

Духъ корпуса офицеровъ отражается, какъ въ зеркалѣ, въ нижнихъ чинахъ.

Тамъ, гдѣ офицеры развиты, сознаютъ значеніе своего званія и достойно несутъ его, гдѣ офицеры совѣстливо исполняютъ свои обязанности какъ въ отношеніи къ государству, такъ и къ самимъ себѣ и общественному миѣнію, въ томъ полку и нижніе чины будутъ отличаться дисциплиною, добрымъ поведеніемъ и стойкостію въ бою.

Напротивъ, небрежность къ службѣ, хвастливость, буйство, привычка систематически порицать и осмѣивать начальниковъ — послѣдствія праздної жизни въ мирное время—всѣ такіе недо-

статки унижаютъ офицеровъ въ глазахъ солдатъ, производятъ въ послѣднихъ тѣ же наклонности, но въ грубѣйшемъ видѣ, и ведутъ къ пренебреженію службы и упадку дисциплины. Если такое направленіе вкралось уже въ полку, то искоренить его, даже строгостію, крайне трудно, и такой полкъ не только падаетъ въ глазахъ прочихъ частей и становится бременемъ для государства, но, вслѣдствіе упадка дисциплины и военнаго духа, бываетъ негоденъ и для употребленія противъ непріятеля.

Обязанности офицера, относительно нижнихъ чиновъ, вытекаютъ изъ того, что мы уже сказали; исполненіе этихъ обязанностей важнѣе въ мирное, нежели въ военное время, потому что въ послѣднемъ случаѣ частыя передвиженія, постоянная близость опасности и труды усиленной службы поглощаютъ избытокъ силъ молодыхъ людей и облегчаютъ надзоръ начальниковъ.

Поэтому начальники не должны смотрѣть на время мира, какъ на бесполезное и скучное время однихъ механическихъ занятій, верховой ѣзды и мертвящихъ ученій.

Напротивъ, начальникъ долженъ стараться употребить съ пользою мирное время, чтобы развить въ солдатѣ сознаніе важности его ремесла и тотъ воинскій духъ, безъ котораго войско ничѣмъ не отличалось бы отъ привилегированныхъ убійць и разбойниковъ.

Духъ же этотъ можно развить въ солдатѣ, внушивъ ему истинное понятіе о чести, убѣдивъ его въ достоинствѣ его званія и пріучивъ его къ дисциплинѣ, порядку и точности.

Между молодыми кавалеристами иногда встрѣчается желаніе поважничать стукомъ шпоръ и сабли и бѣшеной скачкой по улицамъ, презрѣніе къ мирнымъ гражданамъ, ребяческое пренебреженіе къ пѣхотѣ, хвастливость, безбожіе и проч.; но про такія безобразныя порожденія праздности мирнаго времени говорить не стоитъ: одни пустоголовые мальчишки впадаютъ въ подобную крайность. Притомъ, лишь только откроется кампанія, тотъ же самый вѣтряный мальчикъ скоро узнастъ, для чего даны ему сабля и шпоры, убѣдится въ неоцѣненной пользѣ хорошо сбереженнаго коня и на дѣлѣ увидитъ, какой вѣрный другъ и надежный резервъ составляетъ въ дѣлѣ пѣхота для кавалеріи. Хвастливость пройдетъ при первомъ столкновеніи съ непріятелемъ, а въ виду опасности смерти пробудится дремлю-

щее религиозное чувство и не разъ обратится молодой человекъ съ искренней, горячей молитвой къ Создателю.

Отъ степени моральнаго вліянія офицера на солдата зависитъ вся годность послѣдняго; основой же этому вліянію служить первоначальное обученіе солдата.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ является въ эскадронъ рекрутъ, по большей части мѣшковатый крестьянинъ. Разлука съ семействомъ, инстинктивный страхъ предъ требованіями и опасностями новаго состоянія удручаютъ рекрута. Прибавимъ къ этому суровый пріемъ вахмистра, насмѣшки товарищей, узкость неудобной и дурно пригнутой одежды, моральное впечатлѣніе присяги знамени и чтенія военныхъ законовъ, изъ которыхъ рекрутъ прежде всего усвоитъ только часто повторяемую угрозу смертной казни, наконецъ непривычная пища и новыя, едва понятныя работы, которыхъ требуютъ отъ рекрута, не объясняя достаточно способа ихъ исполненія, — всего этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы вывести рекрута изъ его нормальнаго состоянія.

Рекруту необходимо дать нѣкоторое время осмотрѣться (болѣе или менѣе, смотря по его свойствамъ), стараясь ободрять его и внушать ему довѣріе ласковымъ обращеніемъ. Когда тоска по родинѣ и смущеніе рекрута понемногу исчезнутъ, когда онъ достаточно привыкнетъ къ своему новому положенію и товарищамъ, только тогда можно приступить къ его обученію.

Въ весьма рѣдкихъ, лишь исключительныхъ, случаяхъ можно встрѣтить въ рекрутахъ заранѣе принятое намѣреніе не исполнять своихъ обязанностей. По большей части, рекрутъ является съ полною охотою ревностно служить, и потому надо цѣнить это усердіе, не обращая вниманія на неловкость и замѣшательство рекрута вначалѣ, происходящія иногда отъ избытка усердія.

Снисходительность къ рекруту и ясность въ толкованіяхъ должны быть первымъ условіемъ для инструктора.

Главная забота инструктора должна состоять въ умѣнны опредѣлить особенности каждаго рекрута по его умственнымъ и физическимъ способностямъ и согласовать съ этимъ свой образъ дѣйствій; онъ не долженъ ни на минуту забывать, какъ много непривычнаго и стѣсненнаго въ положеніи рекрута; напротивъ того, замѣтивъ въ новобранцѣ старательность, необходимо поддерживать такое расположеніе. Инструктору не слѣ-

дуетъ утомлять рекрута непомерными требованіями, ни вселять въ него робость, выказывая неумѣстную раздражительность. Въ особенности нужно быть осмотрительнымъ, чтобы не принять за упрямство то, что можетъ быть слѣдствіемъ боязни и непривычки къ дѣлу, соединенной съ излишнимъ рвеніемъ, или недостаточно яснаго пониманія толкованій инструктора и встречающихся, особенно вначалѣ, техническихъ выраженій.

Кавалерія должна была бы пользоваться преимуществомъ возвращать въ другіе роды оружія тѣхъ людей, которые, по достаточномъ испытаніи, окажутся неспособными къ верховой ѣздѣ и къ уходу за лошадыю: только такимъ способомъ кавалерія можетъ вполне осуществить свое назначеніе и сдѣлаться отборной, тѣмъ болѣе, что, какъ выше было объяснено, кавалеристомъ не можетъ сдѣлаться всякій, кто захочетъ или обязанъ быть имъ. Многіе изъ рекрутовъ, поступившихъ въ кавалерію цѣлою массою, оказываются на столько же годными для верховой ѣзды, на сколько годится сухорукій быть барабанщикомъ или беззубый трубачемъ.

Отъ первоначальнаго знакомства кавалериста съ лошадыю зависитъ вся его дальнѣйшая годность къ службѣ. Потому нельзя одобрить системы, слѣдуя которой заставляютъ рекрута ѣздить на попонѣ, отчего онъ теряетъ всякую увѣренность въ себѣ; напротивъ, нужно дать ему сѣдло и стремена для того, чтобы онъ сидѣлъ крѣпче, полную свободу ѣздить по собственному умѣнію, ободряя его ласковою рѣчью и похвалами и не обращая вниманія на посадку. Дѣйствуя такимъ образомъ, легко возбудить въ рекрутѣ охоту къ дѣлу. Только тогда, когда онъ самъ по себѣ рѣшится ѣздить въ манежѣ, можно приступить, и то исподоволь, какъ бы шутя, къ объясненію положенія шенкелей, руки, взаимнаго дѣйствія ихъ на лошадь, и, возбуждая въ новобранцѣ самолюбіе, выяснить безобразіе его первоначальной посадки и преимущества того, что отъ него требуютъ.

Тогда только можно ожидать отъ рекрута отчетливаго и усерднаго исполненія требуемаго, когда онъ будетъ пріохоченъ къ своему ремеслу и сроднится съ нимъ; педантическая же взыскательность и повелительно-рѣзкій тонъ отобьютъ у него охоту къ службѣ и сдѣлаютъ безмысленной, робко-послушной машиной.

Обученіе верховой ѣздѣ, говоря короче, должно быть преподаваемо рекруту въ такой формѣ, чтобы онъ смотрѣлъ на него

какъ на удовольствіе. Этотъ результатъ достигнуть, коль скоро рекрутъ не труситъ скачки черезъ барьеръ, а видитъ въ дозволеніи скакать черезъ барьеръ какъ бы награду за успѣхи въ верховой ѣздѣ.

Подобный способъ обученія и обхожденія съ рекрутомъ несколько не исключаетъ строгости; онъ ставитъ ее только въ должныя рамки и указываетъ случаи, когда строгость приноситъ дѣйствительную пользу.

О наградахъ и взысканіяхъ.

Строгость должна быть направлена противъ лѣности, упрямства и малодушія; въ случаѣ же неповоротливости, тугаго пониманія или утомленія, она не у мѣста и, будучи употреблена некстати, оказывается недѣйствительной, притупляетъ или же совершенно убиваетъ всякое рвеніе.

Похвала, напротивъ того, ободряетъ и пріохочиваетъ къ дѣлу. Впрочемъ, награды и наказанія зависятъ отъ столь многообразныхъ условій, что нѣтъ возможности подвести ихъ подъ одно какое либо общее правило. Практическое примѣненіе ихъ должно быть въ зависимости отъ условій мѣстныхъ и дисциплинарныхъ войска, или же отъ особенностей той или другой народности, входящей въ его составъ. Ничто, по этой причинѣ, не могло бы быть грубѣе ошибки начальника, который вздумалъ бы примѣнить къ войскамъ, находящимся на мирномъ или военномъ положеніи, одно и то же правило; взглядъ его, въ этомъ случаѣ, былъ бы такъ же ложенъ, какъ взглядъ публициста, который вздумалъ бы судить о Баварцахъ на основаніи понятій нашихъ о Грекахъ, или наоборотъ.

Чѣмъ рѣже представляется возможность давать награды, тѣмъ чаще является необходимость прибѣгать къ взысканіямъ, потому что послѣднія должны предупреждать всякое возникающее зло, если награды недостаточны для поощренія къ добру. Ничто не дѣйствуетъ такъ вредно на духъ арміи, какъ постоянно встрѣчающаяся въ войскахъ несоразмѣрность между наградами и взысканіями; не менѣе вредно и вліяніе начальника на солдата, когда оно опирается исключительно на карательную власть, ему предоставленную.

Гармонія—основа всего существующаго, и всякое уклоненіе отъ нея заключаетъ въ себѣ самоъ свое осужденіе.

Благодаря несоразмѣрности между наградами и взысканіями,

развиваются дурныя наклонности и привычки въ солдатскомъ быту; этимъ же объясняется, почему иногда рекрутъ, поступившій на службу неиспорченнымъ и нравственно добрымъ, возвращается на родину негодяемъ и пороками своими заражаетъ цѣлую деревню. Здѣсь также кроется причина инстинктивнаго отвращенія городскихъ жителей и крестьянъ къ солдатскому званію и неохоты, съ какой они отдають своихъ сыновей въ то состояніе, которое требуетъ сознанія правилъ чести и не только не наполняетъ государство безполезными людьми, но служить, напротивъ, лучшею школою для усвоенія и развитія въ народѣ высшихъ гражданскихъ добродѣтелей: любви къ отечеству, вѣрности данной присягѣ, любви къ порядку и сознанія своего долга.

Рекрутъ—не болѣе, какъ взрослое дитя, которое можетъ получить какъ хорошее, такъ и дурное направленіе: все зависитъ отъ того, какъ съ нимъ будутъ обходиться: нѣтъ ничего легче, какъ возбудить въ рекрутѣ честолюбіе, рвеніе и поддерживать это доброе расположеніе самыми ничтожными средствами. Столько же легко, если еще не легче, сдѣлать его лѣнивымъ, недвѣрчивымъ и лукавымъ; потому, прежде всего, нужно заботиться о томъ, чтобы направить его волю къ добру, возбуждая сознаніе собственнаго достоинства, даже гордость, и стараясь, въ то же время, отучать отъ всего дурнаго.

Похвала солдату, высказанная гласно передъ фронтомъ, самая незначительная нашивка на воротникѣ или рукавѣ, освобожденіе отъ караула или дежурства, съ назначеніемъ на его мѣсто неисправнаго были бы, въ мирное время, дѣйствительнѣйшими средствами поддерживать въ солдатѣ желаніе выполнять усердно свои обязанности и притомъ не причиняли бы ни малѣйшаго ущерба службѣ; точно также могло бы быть лестною для кавалериста наградою разрѣшеніе выбрать себѣ по своему вкусу лошадь въ цѣломъ эскадронѣ. Впрочемъ, эскадронный командиръ долженъ очень рѣдко давать подобное дозволеніе и воспрепятствовать всякій обмѣнъ, не имѣющій достаточнаго основанія, потому что солдатъ только тогда можетъ приучиться къ обращенію съ своею лошадью и къ лучшему за ней уходу, когда увѣренъ, что нескоро съ нею разстанется и что лошадь завтра не достанется другому наѣзднику. Въ военное время, для той же самой цѣли могло бы служить, кромѣ орденовъ и медалей, раздаваемыхъ за заслуги, почетное оружіе, введенное На-

полеономъ I и въ послѣдствіи отмѣненное: оно отдавалось солдату въ полную его собственность, съ правомъ передачи наслѣдникамъ, и украшалось надписью, объяснявшею поводъ къ отличію.

Взысканія, сопровождающія все служебное поприще солдата, начиная съ наряда въ караулъ безъ очереди и оканчивая разстрѣливаніемъ, слишкомъ утонченны и разнообразны для того, чтобы возможно было ихъ исчислить. Составители различныхъ служебныхъ уставовъ въ особенности налегали на этотъ отдѣлъ, упуская изъ вида, что въ каждомъ человѣкѣ можно открыть и развить естественную склонность къ добру. Вѣроятно, они имѣли въ виду сбродъ сволочи и негодяевъ отовсюду, которыхъ можно было удерживать въ строгой подчиненности только однимъ страхомъ смертной казни. Въ настоящее время, благодаря нынѣ дѣйствующей рекрутской системѣ, ряды войска пополняются не всякимъ сбродомъ, но отборною частію народонаселенія, и потому можно уменьшить мѣру взысканія на столько, на сколько улучшается нравственность и возвышаются понятія о чести въ войскахъ.

Но этимъ мы нисколько не оправдываемъ филантропо-демократическія тенденціи новѣйшаго времени, вслѣдствіе которыхъ, напримѣръ, въ Германіи, обычное *ты* замѣнено вѣжливымъ *вы*. Такая замѣна затемнила, спутала взглядъ солдата на относительное его положеніе; по счастью, здравый германскій смыслъ скоро умѣлъ оцѣнить по достоинству утонченности неумѣстнаго равенства, и истинный солдатъ, а не глупецъ, надутый неудобоваримыми теоріями, видитъ въ сухомъ *вы*, съ которымъ обращается къ нему начальникъ, скорѣе знакъ неудовольствія, чѣмъ уваженія; въ устахъ же разгнѣваннаго капрала выраженіе *оселз*, обращенное къ оторопѣвшему рекруту, не получаетъ ни на волосъ болѣе вѣжливаго оттѣнка, будетъ ли оно сопровождается чопорнымъ *вы*, или простымъ и откровеннымъ *ты*.

Нравственность солдата и сознаніе имъ своего достоинства должны какъ можно менѣе зависѣть отъ пустой и внѣшней формальности; напротивъ того, формы должны обуславливаться тѣми понятіями о чести и справедливости, какъ сознаетъ ихъ самъ солдатъ. Отношенія начальника къ солдату опредѣляются не словами, но обхожденіемъ.

Для того, чтобы дѣйствовать согласно съ понятіями солдата о чести, не должно ихъ смѣшивать, ни подъ какимъ видомъ, съ возникшими изъ соціальныхъ отношеній уставами утончен-

наго, можетъ быть слишкомъ даже утонченнаго, общества, которое ставитъ честь въ зависимость отъ одного слова или тѣлодвиженія, а истинное и нравственное понятіе о чести отодвигаетъ на задній планъ. Такъ общество отворачивается отъ человѣка, котораго постигло несчастіе, побуждающее его смыть кровью нанесенную ему обиду; между тѣмъ, безбожникъ, развратникъ, дурной сынъ, лицемеръ, аферистъ, обобравшій легковернаго ближняго, ростовщикъ находятъ у того же общества пріемъ если не предупредительный, то, по крайней мѣрѣ, на столько вѣжливый, что истинно-честный человѣкъ, отказавшійся протянуть имъ руку, подвергается опасности прослыть за невѣжду или же быть осмѣяннымъ и разславленнымъ повсюду какъ новый Донъ-Кихотъ.

Прямодушный человѣкъ дѣйствуетъ всегда подъ вліяніемъ понятій о чести врожденныхъ и нравственныхъ, а никакъ безусловныхъ. Получивъ ударъ кулакомъ, онъ чувствуетъ одно только желаніе отплатить обидчику тою же монетою, и нимало не считаетъ себя обезчещеннымъ. За то онъ открыто выказываетъ свое презрѣніе къ безбожнику, развратнику и названнымъ выше негодыямъ и отвращается отъ нихъ.

Наказаніе всегда должно идти въ уровень съ понятіями о чести солдата, но никогда не должно быть смѣшнымъ или отвратительнымъ. Открытое и непреложное исполненіе наказаній должно сопровождаться нѣкоторою торжественностію, которая дѣйствовала бы и на присутствующихъ, но не зависѣла бы отъ соціальныхъ понятій образованнаго общества.

Все сказанное примѣняется вполнѣ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, отвергаемымъ и клеймимымъ, благодаря новѣйшимъ идеямъ. Если такого рода наказанія назначаются съ соблюденіемъ уваженія къ закону, то они такъ же мало наносятъ безчестія простолюдину, какъ и ударъ кулакомъ или оплеуха, которою онъ обмѣняется съ человѣкомъ себѣ равнымъ. Пусть мнѣніе, нами высказанное, вызоветъ вопли всей массы современныхъ филантроповъ, но мы не откажемся отъ него и останемся при своемъ убѣжденіи.

Соглашаясь съ тѣмъ, что трудно, едва ли возможно, ввести тѣлесныя наказанія тамъ, гдѣ они уже отмѣнены, мы одобряемъ вполнѣ тѣ государства, въ которыхъ они сохранены.

Во время войны, многія изъ незначительныхъ наказаній, употребляемыхъ въ мирное время, какъ, на примѣръ, аресты, нарядъ на часы не въ очередь и т. п., совершенно непримѣнимы,

и было бы безразсудно вѣрять охрану общей безопасности патрулямъ и ведетамъ, составленнымъ изъ людей, подвергшихся взысканіямъ. Въ этомъ случаѣ, тѣлесныя наказанія, по своей непродолжительности и удобству исполненія, представляютъ неисчислимыя выгоды; противъ упрямства, злобы и умышленного исполненія обязанностей они вполнѣ радикальное средство. Ихъ можно назначать и на бивуакахъ, при кратковременной остановкѣ, и подъ самымъ непріятельскимъ огнемъ, избѣгая слишкомъ медленной процедуры и проволочекъ. Въ мирное же время можно прибѣгать къ назначенію мелкихъ дисциплинарныхъ взысканій за упущенія по службѣ, такъ какъ есть достаточно времени и досуга, чтобы привести ихъ въ исполненіе; тѣлесныя же наказанія назначать за болѣе важныя проступки.

Очень сомнительно, чтобы четырехъ-недѣльный строгій арестъ, на хлѣбѣ и водѣ, оказывалъ менѣе вредное вліяніе на умственные и физическія способности солдата, чѣмъ умѣренное количество шпирутеновъ. Во всякомъ случаѣ, послѣднее наказаніе, въ виду цѣлаго эскадрона или полка, производить на виновнаго впечатлѣніе столько же сильное, какъ и первое, или же сильнѣйшее, но скорѣе кончается. Что же касается до прогнанія сквозъ строй, то продолжительныя работы въ крѣпостяхъ или арестантскихъ ротахъ вполнѣ могутъ замѣнить нравственное вліяніе шпирутеновъ, съ тѣмъ большею выгодною, что этотъ родъ наказаній не возбуждаетъ въ свидѣтеляхъ ни омерзѣнія, ни состраданія, которое неминуемо должно пробудиться при видѣ жестокости, во всякой не совсѣмъ еще загрубѣвшей натурѣ.

Въ заключеніе считаетъ долгомъ замѣтить, что не тѣлесное наказаніе можетъ унизить званіе солдата, но разжалованіе въ солдаты лицъ, уличенныхъ въ воровствѣ и въ другихъ преступленіяхъ; однимъ словомъ, разжалованіе въ солдаты людей, лишенныхъ чести.

Подобный образъ дѣйствій ведетъ неминуемо къ тому, что солдатъ станетъ смотрѣть на свое званіе не какъ на званіе, заслуживающее уваженія и благодарности въ государствѣ, но будетъ считать его какъ бы наказаніемъ,—первой степенью арестантскихъ ротъ и каторжныхъ работъ. Послѣдняя война доказала всему свѣту убѣдительно всеякихъ разсужденій, что вѣрность, мужество, честь и самоотверженіе присущи русскимъ войскамъ, и эти качества нашего войска должны служить еще большимъ побужденіемъ очистить ряды арміи отъ всякой недостойной при-

мѣси. Незапятнанность отдѣльныхъ лицъ обуславливаетъ нравственное достоинство цѣлаго общества; честь солдата драгоцѣнна и, подобно доброму имени дѣвушки, должна быть всѣми мѣрами охраняема отъ столкновения съ чѣмъ либо порочнымъ (*).

О мундштученнхъ, обв аллюрахъ, о выѣздкѣ кавалерійской лошади и о посадкѣ кавалериста.

Легкость, сказали мы выше, есть одно изъ главныхъ условий, требуемыхъ, въ настоящее время, отъ кавалеріи; а это качество зависитъ отъ сложенія и выѣздки лошади, отъ сѣдла и выюка и отъ вооруженія и одежды всадника.

Разсмотримъ въ этомъ отдѣлѣ первые два пункта. Тяжесть тѣла дѣлаетъ лошадь, какъ и чловѣка, неспособною къ кавалерійской службѣ: напротивъ, необходимыми качествами должны быть: сила, при среднемъ ростѣ, гибкость и развязность тѣла.

При выѣздкѣ кавалерійской лошади не должно смѣшивать требованій манежа съ требованіями службы въ полѣ. Цѣль первой ясно обозначается уже самымъ названіемъ: она должна служить для кавалериста теоріей, необходимымъ подготовленіемъ, съ помощію котораго онъ знакомится съ сложеніемъ и способностями лошади, равно и съ примѣненіемъ различныхъ вспомогательныхъ средствъ для того, чтобы выработать и развить въ лошади указанныя выше достоинства. Но это самое развитіе не достигаетъ цѣли, если будутъ упущены изъ вида требованія ѣзды въ полѣ.

Постараемся развить наши положенія, для обсуждения этого вопроса, сравнивъ лошадь, предназначеную для ѣзды въ полѣ, съ лошадью высшей школы, а отрѣшившись отъ выгодъ, представляемыхъ теоріею, попытаемся показать въ должномъ свѣтѣ преимущества чисто-практическія.

Цѣль манежной выѣздки та, чтобы довести лошадь, съ помощію искусства, до исполненія, на возможно-меньшемъ пространствѣ, возможно-большихъ движеній, и замѣнить насильственно отнятую непринужденность отчетливостію и стройностію движеній. Это есть торжество чловѣческаго ума, терпѣнія и искусства надъ силою и инстинктивною волею животнаго.

Выѣзка для службы въ полѣ, наоборотъ, есть примѣненіе силы животнаго къ потребностямъ чловѣка; она имѣетъ въ виду

(*) Новѣйшими постановленіями по военному вѣдомству, въ составъ арміи уже не будутъ допускаемы люди опороченные и лишенные чести. *Ред.*

пользу, между тѣмъ какъ манежная выѣздка есть дѣло охоты и роскоши.

Поприще лошади высшей школы есть манежъ, арена же боеваго коня есть открытое, бездорожное поле. Лошадь высшей школы требует легкой руки, покойной посадки и постоянной внимательности; она исключительно сосредоточивает на себѣ вниманіе всадника. Что же касается до лошади, назначаемой для ѣзды въ полѣ и на охотѣ, то она не болѣе, какъ средство, ведущее къ цѣли, и должна привыкнуть къ небрежному, сильному и часто неправильному употребленію удила. Если лошадь отличается способностью пробѣгать большія пространства, снослива и послушна, она оказывается годной къ употребленію, между тѣмъ какъ сносливость вовсе не нужна для лошади высшей школы, и ея короткій, мѣрный и возвышенный ходъ не можетъ идти въ сравненіе съ широкимъ, повидимому распущеннымъ, шагомъ первой.

То, что у манежной лошади называется равновѣсіемъ, есть необходимое для всего отъ нея требуемаго; приведеніе крупа въ горизонтальную линію можетъ быть для полевой лошади признано скорѣе неудобствомъ, чѣмъ выгодой. Равновѣсіе полевой лошади дано ей, какъ дикарю, природой и состоитъ въ нѣсколько возвышенномъ крупѣ, облегчающемъ скачку; центр тяжести ея болѣе поданъ впередъ, тогда какъ манежную лошадь стараются посадить назадъ.

Намъ возвратятъ, что тяжесть всадника и вьюка требуетъ именно такого положенія и что шагъ лошади, вслѣдствіе положенія центра тяжести впереди, сдѣлается невѣренъ. Но, во первыхъ, лошадь, выѣзженная на свободѣ и не лишившаяся еще своего естественнаго положенія, чувствуетъ лучше всадника, что ей необходимо для соблюденія равновѣсія и распределяетъ его сообразно съ обстоятельствами; во вторыхъ, если лошадь предохраняется отъ паденія только перенесеніемъ тяжести назадъ, то такая лошадь едва ли годна для кавалерійской службы.

Однимъ словомъ, манежная лошадь высшей школы—актеръ, а боевую лошадь можно сравнить съ партизаномъ, охотникомъ. Обѣ превосходны, каждая въ своемъ родѣ; но ни подъ какимъ видомъ смѣшивать ихъ не слѣдуетъ. То, чего достигаетъ долговременными усиліями и внимательностію берейторъ, способный къ выѣздкѣ лошади и приготовляемый къ исполненію своихъ

обязанностей смолода, того долженъ достигнуть въ нѣсколь-ко мѣсяцевъ неуклюжій и неповоротливый рекрутъ. Его сажаютъ на длинныя стремена, на разбитую лошадь, которая пугается, помня жесткую руку прежняго своего всадника и выходитъ изъ повода для того, чтобы избѣгнуть тяжелой боли, которую готовить ей новый наѣздникъ. Инструкторъ ставитъ ему руку, согласно предписанію, надъ лукою сѣдла, строго запрещаетъ сдвигать ее съ мѣста и объясняетъ тому, кто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о дѣйствіи мундштука, что кисть должна быть мягка и гибка, не уклоняться съ назначеннаго мѣста, а локоть долженъ быть крѣпко прижатъ къ боку. Естественнымъ слѣдствіемъ всего этого бываетъ то, что кисть не сгибается вовсе, и рекрутъ, до судорогъ въ рукѣ, противопоставляетъ всю свою силу силѣ лошади. Вступивъ во фронтъ, всадникъ не можетъ уже обращать исключительнаго вниманія на свою лошадь, даже и тогда, когда онъ умѣлъ бы съ ней обходиться: онъ занятъ, кромѣ того, саблей или пикой. Тутъ собственно начинается настоящая пытка для животнаго: лошадь выходитъ изъ повода, жметя и изгибается, вопреки всѣмъ требованіямъ всадника, такъ что подъ конецъ дѣлается невозможнымъ не только управлять ею, но даже ее сдерживать. Лихорадочное безпокойство и топотаніе лошадей во фронтѣ при каждой командѣ, особенно при слишкомъ хорошо ей извѣстномъ сигналѣ «галопъ», никакъ не слѣдуетъ принимать за пылкость: эта мнимая пылкость есть ничто иное, какъ ожиданіе, никогда не остающееся втунѣ, удара шпорами, сопровождаемаго сильнымъ дерганіемъ мундштука. Спокойствіе и широкій ровный шагъ—вотъ въ чемъ заключаются важнѣйшія достоинства лошади, предназначенной для кавалерійской службы. Но ни то, ни другое изъ этихъ достоинствъ недостижимо до тѣхъ поръ, пока въ желѣзномъ солдатскомъ кулакѣ будетъ существовать мундшукъ. Мундшукъ держитъ лошадь въ постоянномъ страхѣ и напряженіи, не даетъ отдохнуть шеѣ и шагъ превращаетъ въ какой-то мелкій тротъ, изнуряющій, при длинномъ переходѣ, не только лошадь, но и самаго привычнаго къ ѣздѣ всадника.

Въ военное время, мундшукъ сущая гибель для лошади, потому что, въ рукопашномъ бою или въ пылу движеній и построений, подъ непріятельскимъ огнемъ, нельзя ожидать правильнаго и осторожнаго управленія мундштукомъ со стороны всадника. При кратковременной остановкѣ, когда опасно, или даже

невозможно, размундштучивать лошадь, по недостатку времени, ей нельзя даже довольствоваться подножнымъ кормомъ, и, несмотря на изнуреніе, лошадь принуждена оставаться съ тощимъ желудкомъ нерѣдко до глубокой ночи, ожидая дачи корма, котораго отъ чрезмѣрной усталости она и ѣсть не станетъ.

Итакъ, оставивъ мундштукъ, какъ принадлежность лошади манежной или парадера, займемся единственнымъ, по нашему мнѣнію, практически-полезнымъ для кавалеріи взнуздываніемъ, и именно *узdeckкой*. Какъ при выѣздкѣ боевой лошади необходимо согласоваться съ свойствами и требованіями службы, такъ точно нужно отдавать преимущество указаніямъ опыта надъ теоріями карусельной ѣзды, оказывающимися совершенно без-полезными въ полѣ.

Извѣстно, что Монголы, казаки, Черкесы и Англичане самыя практическія природныя всадники; они далеко превосходятъ Арабовъ, Персовъ и Курдовъ, терзающихъ лошадь жестокимъ мундштукомъ. Монголы, казаки и Черкесы употребляютъ предпочтительно узdeckку, толщиною въ палець; равно и Англичанинъ, имѣя въ виду продолжительную ѣзду, въ особенности же отправляясь на охоту и скачку, отдаетъ преимущество уздѣ. Эти примѣры убѣдительнѣе всякихъ разсужденій, и они должны служить руководствомъ для кавалеріи, по крайней мѣрѣ такой, которая обращаетъ вниманіе на быстроту, выносливость и сбереженіе лошадей.

Трудно повѣрить, что казаки и Черкесы могутъ дѣлать съ своею лошадью: остановки съ полнаго карьера, пируэты на заднихъ ногахъ и т. п., и все это съ легкостію и увѣренностію, которыя могли бы сдѣлать честь любому берейтору и лучшей манежной лошади. Заботливость, оказываемая этими неподражаемыми наѣздниками къ своему коню, доходитъ до такой степени, что казакъ никогда не перепрыгнетъ чрезъ ровъ, коль скоро имѣетъ возможность чрезъ него перейти. Что же касается до самаго всадника, то тутъ нѣтъ и рѣчи о правильномъ положеніи шенкелей и руки. Онъ держитъ поводья коротко, соображаясь съ естественнымъ положеніемъ головы лошади, выше или ниже надъ холкой; управляетъ ею не одними шенкелями, но натягивая поводья въ ту или другую сторону. А какъ этотъ естественный способъ управленія не причиняетъ лошади ни малѣйшей боли, то она и остается спокойною и послушною.

Отчего бы не воспользоваться такою теоріею, сообразуясь съ

условіями фронтальной службы, и регулярной кавалеріи, и не предоставить солдату управлять лошадей болѣе удобнымъ и понятнымъ лошади способомъ? Солдатъ несравненно скорѣе и легче осваивался бы съ нимъ, чѣмъ съ другимъ, и менѣе мучилъ бы лошадь. Тогда, конечно, изъ кавалерійскихъ аллюровъ должны были бы остаться только тѣ, которые соотвѣтствуютъ ѣздѣ на уздечкѣ; всѣ же искусственные, какъ-то: прибавленная рысь и курць-галопь, должны быть исключены.

Новымъ подтвержденіемъ практической пользы описаннаго взнуздыванія и выѣздки можетъ служить то, что всѣ регулярныя кавалерійскіе полки на Кавказѣ (драгуны), вопреки устава, выступаютъ въ походъ на уздечкахъ, надѣвая мундштуки только на инспекторскіе смотры. Правила же, выведенныя на опытѣ такую кавалерію, которая постоянно лицомъ къ лицу съ неприятелемъ, слѣдуетъ принять за норму и для остальной кавалеріи, тѣмъ болѣе, что сраженія при Башъ-Кадыкъ-Дарѣ и Курюкъ-Дара, блокада Карса, — однимъ словомъ, вся война въ Анатоліи въ 1853—1856 годахъ, служитъ достаточнымъ доказательствомъ превосходства кавказскихъ драгунъ.

Итакъ, мы считаемъ уздечку единственнымъ практически удобнымъ головнымъ уборомъ для кавалеріи, потому что она не беспокоитъ лошадь, позволяетъ ей полную свободу движеній, даетъ вытягивать и поворачивать голову и шею, какъ ей удобнѣе, не утомляя шейныхъ позвонковъ, не укорачиваетъ хода лошади, и, что всего важнѣе, даетъ коню возможность на каждомъ привалѣ поѣсть и отдохнуть. Всадникъ же лишенъ возможности неосторожно затянуть удила и избавленъ отъ принужденной постановки руки. Если предоставить ему свободу держать и двигать руку по надобности, тогда явится у него болѣе равновѣсія и твердости въ посадкѣ, и онъ будетъ въ состояніи съ силою и увѣренностію дѣйствовать оружіемъ. Старыхъ, задерганныхъ лошадей трудно заставить слушаться уздечки; но молодыя лошади, поступающія изъ ремонта, скоро къ ней привыкаютъ, и было бы достаточно нѣсколькихъ лѣтъ для того, чтобы совершенно вывести изъ употребленія мундштукъ, замѣнивъ его уздечкой. Но еслибъ встрѣтилась лошадь, порывающаяся заносить, то можно было бы усилить дѣйствіе уздечки (какъ это дѣлается въ Персіи и въ южной части Кавказа) посредствомъ острой грани удила.

Самая значительная выгода, доставляемая уздечкой, заключаетъ

ся, какъ мы выше замѣтили, въ удлинненіи шага. Способность къ продолжительному движенію и сносливость суть качества, соотвѣтствующія назначенію кавалеріи: чѣмъ быстрѣе она можетъ двигаться, тѣмъ далѣе можно ее посылать, и тѣмъ вѣрнѣе можно рассчитывать на дѣйствія, которое произведетъ ея внезапное появленіе въ отдаленныхъ пунктахъ. Благодаря быстротѣ шага своихъ лошадей (по 7 верстъ въ часъ), казаки славятся своей подвижностію и выносливостію. Очевидно, что такой аллюръ единственно практическій для похода, не изнуряющій ни всадника, ни лошади и, притомъ, дающій возможность безъ затрудненія дѣлать длинныя переходы въ военное время. Напротивъ того, движеніе рысью, съ цѣлю вознаграждать утраченное по медленности шага время, вредно для кавалеріи и едва ли значительно ускоритъ движеніе.

Вслѣдствіе этого, мы считаемъ возможнымъ для кавалерійскихъ упражненій продолжительныя походныя движенія какъ днемъ, такъ и ночью. Прочіе аллюры должны соотвѣтствовать привычкамъ лошади въ ея естественномъ состояніи. Такимъ образомъ, рысь занимаетъ средину между укороченной и усиленной; галопъ долженъ быть длинный, чтобы лошадь растягивалась и не чувствовала себя связанной; при этомъ надобно избѣгать, чтобы не обратитъ галопа въ короткій, парадный аллюръ, при которомъ вся тяжесть лошади переносится на скаковые суставы, отъ чего лошадь скоро утомляется и выходитъ изъ повода. Впрочемъ, при уздечкѣ, подобное извращеніе естественныхъ привычекъ лошади невозможно. Собственно галопъ, такъ называемый *охотничій галопъ*, логическое ускореніе рыси, не беспокоитъ и не утомляетъ лошади.

Отъ галопа естественный переходъ къ карьеру, какъ самому сильному его развитію. Когда лошадь идетъ свободно на уздечкѣ, то въ этотъ аллюръ она переходитъ такъ же спокойно и естественно, какъ изъ рыси въ галопъ; при томъ лошадь не выказываетъ необузданной, пугливой раздражительности и порывовъ заносить, что бываетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ѣзды на мундштукѣ.

И посадка кавалериста такъ же мало должна зависѣть отъ требованій высшей школы, какъ аллюры лошади: солдатъ ѣздитъ не для того, чтобы выказать достоинство своей лошади, но для того, чтобы дѣйствовать успѣшнѣе своимъ оружіемъ. Длинные стремена, необходимыя для удобства и красоты посадки

берейтора, препятствуютъ кавалеристу владѣть оружіемъ. Ясно, что съ вытянутыми колѣнами нельзя подняться въ сѣдлѣ и нанести сильный ударъ, или уклониться отъ нападающаго противника, отбросивъ корпусъ тѣла въ сторону. Равновѣсіе въ такомъ случаѣ было бы потеряно несомнѣнно, и вотъ почему стремена у кавалериста должны быть непремѣнно коротки на столько, чтобы представляли точку твердой опоры, давали возможность удобно поворачиваться на сѣдлѣ и усиливать тяжесть верхней части тѣла размахъ оружія; кавалеристъ долженъ твердо опираться на стремена, чтобы имѣть возможность по произволу привстать или опуститься. Этимъ онъ приобретаетъ еще большую власть надъ своей лошадыю и никогда не почувствуетъ нужды искать точки опоры въ поводьяхъ.

У всѣхъ наѣздниковъ, употребляющихъ уздечку, какъ-то: у Черкесовъ, Монголовъ, казаковъ и Англичанъ, есть общеупотребительный и чрезвычайно практическій способъ для уменьшенія тряски, сопровождающей ѣзду рысью: это—легкое приподниманіе и опусканіе тѣла, такъ что изъ двухъ послѣдовательныхъ толчковъ одинъ избѣгается. Обыкновенно такой способъ называютъ *ѣздою по-англійски*. Онъ не соответствуетъ правиламъ высшей школы, но представляетъ ту огромную выгоду, что для лошади уменьшаетъ давленіе всадника на ея хребетъ при каждомъ шагѣ; всадникъ менѣе страдаетъ отъ толчковъ сѣдла, происходящихъ часто отъ неизвѣстной причины, не испытываетъ колотья въ боку и не чувствуетъ сильно-го утомленія послѣ продолжительной ѣзды рысью.

Этотъ способъ, будучи усвоенъ для кавалеріи и употребляемъ систематически, не только способствовалъ бы сохраненію бодрости и свѣжести кавалеріи, но, сообщая движенію фронта нѣкоторую эластичность, возвышалъ бы наружную красоту фронта.

О сѣдлѣ, вьюкѣ, одеждѣ и вооруженіи.

Легкость и подвижность, столь важныя для современной кавалеріи, какъ объяснено было въ началѣ предъидущей главы, зависятъ не отъ одной выѣздки лошади и отъ посадки всадника, но преимущественно отъ сѣдла и вьюка лошади и отъ одежды и вооруженія всадника. Такъ какъ тяжесть вьюка обуславливается одеждою всадника, то нѣтъ возможности уменьшить вѣсъ одного, не сдѣлавъ въ другомъ существенныхъ измѣненій.

Нѣсколько различныхъ одѣяній во время военныхъ дѣйствій составляютъ какъ для лошади, такъ и для всадника ненужное бремя: кавалеристъ можетъ почитаться вполне снабженнымъ одеждой, если, кромѣ надѣтой на немъ пары платья, которое, при выступленіи въ походъ, должно быть ново и прочно, имѣетъ съ собою шинель, легкое нижнее платье для конюшни, пару сапоговъ и двѣ перемѣны бѣлья. Все прочее, нужное во время мира для парадовъ и для казарменной жизни, въ походѣ можетъ быть сохраняемо въ складахъ, чтобы люди могли обмѣнить изношенную одежду на новую, лучшую, если къ тому представится надобность. Зимой всадникъ долженъ имѣть полушубокъ, который удобно укладывается на сѣдлѣ подъ трокомъ. Сѣдло и выюкъ должны быть легки на столько, чтобы солдатъ могъ, безъ всякаго усилія, поднимать ихъ на лошадь. Тяжелый арчакъ и чемоданъ, слишкомъ нагруженные саквы, черезъ-чуръ большой чапракъ и жесткіе, многочисленные ремни служатъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы бесполезно обременить и утомить лошадь. Если присоединить къ этому фуражъ, трехъ или четырехъ-дневный провіантъ и, въ добавокъ, колья для коновязи да эскадронные котлы, то кавалерійская лошадь превратится просто-на-просто во вычное животное.

Лучшимъ прикрѣпленіемъ для сѣдла служатъ двѣ подпруги и трокъ. Чѣмъ они уже, тѣмъ плотнѣе прилегаютъ къ лошади. Что же касается до арчака, то наиболѣе удобнымъ могъ бы почитаться тотъ, который бы представлялъ среднее между венгерскимъ и черкесскимъ. Арчакъ долженъ быть легокъ и неглубокъ въ сидѣніи, чтобы не стѣснять свободу движеній всадника; широкая сѣдельная подушка, прикрѣпляемая трокомъ, туго набитая и покрывающая обѣ луки сѣдла до верхнихъ краевъ, достаточно наполняетъ углубленіе между ними; въ срединѣ же она должна быть слегка стянута ремнемъ, для того, чтобы всадникъ сидѣлъ возможно свободнѣе.

Необходимость точности въ сѣдланіи и взнуздываніи лошадей и въ опрятности потника слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было о нихъ распространяться. Что же касается до облегченія выюка, то всякій кавалеристъ самъ по себѣ нападетъ на истинный путь, если будетъ строго держаться правила оставлять при выступленіи въ походъ всякую вещь, до малѣйшей бездѣлицы, не необходимо нужную; словомъ, когда кавалерія,

выступая въ походъ, поставить себѣ цѣлью быть именно легкою кавалерією. Значительнымъ облегченіемъ была бы возможность, при разъѣздахъ и рекогносцировкахъ, оставлять чемоданъ, чапракъ и т. п., ограничиваясь только сѣдломъ, шинелью и саквами.

Въ гористыхъ, трудно-проходимыхъ странахъ, гдѣ всякая повозка замедляетъ движеніе войска, это было бы возможно только въ томъ случаѣ, когда главные силы стоятъ въ лагерѣ и багажъ могъ бы быть оставленъ тамъ. Въ открытой, удобо-проходимой странѣ, гдѣ войска могутъ двигаться безъ затрудненій, нѣскольکو фургоновъ, приданныхъ кавалерійскому полку для перевозки излишнихъ тяжестей, оказали бы благотѣльное вліяніе на войска во время непродолжительныхъ движеній. Въ этомъ случаѣ, неудобство, происходящее отъ увеличенія числа повозокъ, слѣдующихъ за армією, перевѣшивалось бы тѣмъ, что кавалерія имѣла бы возможность свободно и легко переноситься на значительныя разстоянія какъ въ ту, такъ и другую сторону.

Для удовлетворенія же хозяйственныхъ потребностей было бы достаточно имѣть при эскадронахъ по нѣскольکو лошадей, навьюченныхъ коновязными кольями и котлами, которыя слѣдовали бы за кавалерією на всякихъ аллюрахъ и не замедляли бы ея движеній.

Способность переносить лишения—главное достоинство кавалериста. Чѣмъ меньше у кавалериста потребностей, тѣмъ болѣе годенъ онъ для дѣла. Возвратившись изъ разъѣзда или набѣга къ главной колоннѣ, онъ имѣлъ бы достаточно времени утолить голодъ и привести въ порядокъ свою аммуницію, пока отдыхаютъ лошади.

Простота и удобство въ одеждѣ особенно важны для солдата. Такъ, напримѣръ, тяжелая, кожаная каска, сдавливающая голову, подъ палящими лучами солнца становится невыносимую тяжестью для головы, а защищаетъ ее отнюдь не болѣе легкой фуражки, подложенной полотномъ; каску, напротивъ, даже легче разрубить, чѣмъ фуражку. Точно также малѣйшее стѣсненіе подъ мышками, въ особенности же воротника, становится совершенною пыткой во время продолжительнаго перехода и удручаетъ человѣка. Скажемъ болѣе, какъ бы это ни показалось неправдоподобно: подобное стѣсненіе лишаетъ мужества солдата

и энергіи и дѣлаетъ его малодушнѣе и грустнѣе, чѣмъ даже при возвратѣ подъ дождемъ послѣ проиграннаго сраженія.

Мундиръ долженъ сидѣть свободно и покойно и не давить ни горла, ни груди, ни живота; особенно онъ не долженъ быть тѣсенъ въ рукавахъ. Если солдату трудно поднять руку, то онъ не можетъ хорошо наносить ударъ; если же рукавъ узокъ въ локтѣ, то, при второмъ или третьемъ ударѣ, солдатъ теряетъ не только всю силу, но и лишается окончательно бодрости.

Въ полѣ многое зависитъ отъ непримѣтныхъ мелочей, и никогда дурно пригнанный мундиръ дѣлаетъ солдата негоднымъ къ дѣлу. Нижнее платье также весьма важно для годности къ дѣлу и удобоподвижности кавалериста. Оно не должно быть тѣсно, чтобы не сжимать мускуловъ; не должно имѣть складокъ, во избѣжаніе ссадинъ; наконецъ, не должно быть коротко, чтобы не причинять боли колѣнямъ, самой чувствительной части тѣла, при продолжительныхъ переходахъ, и чтобы не препятствовать всаднику быстро садиться въ сѣдло или слѣзть съ лошади. Рейгузы, спускающіеся поверхъ сапога до каблука, оказываются совершенно неудобными къ употребленію. При дурной погодѣ и на бивуакахъ, въ нижней ихъ части, стянутой штрипкой, собирается столько грязи, что солдатъ не можетъ высушить ихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и оттого заболѣваетъ. Напротивъ, гусарскіе сапоги защищаютъ ноги отъ сырости и легко отчищаются и высушиваются.

Еще большее значеніе имѣетъ разнообразіе и отличіе въ полковыхъ мундирахъ. Солдатъ—какъ мы выше имѣли случай замѣтить—взрослое дитя; онъ занимается своею формою, гордится ею и старается заставить непріятеля уважать ее. Если взять нѣсколько одинаково одѣтыхъ кавалерійскихъ полковъ, находящихся подъ командою одинаково способныхъ начальниковъ, то рѣдко который изъ этихъ полковъ замѣтно отличается передъ прочими. Но если, напримѣръ, вы поставите, при одинаковыхъ условіяхъ и подъ начальствомъ равно способныхъ командировъ, красный полкъ подлѣ синяго, то этого довольно, чтобы возбудить между ними соревнованіе. Въ особенности же нужно быть осторожнымъ, чтобы безъ надобности, по прихоти или для однообразія, не перемѣнять форму и составъ полка, съ которыми тѣсно связаны его исторія и славныя воспоминанія.

Необходимыя перемѣны должны происходить постепенно. Въ противномъ случаѣ, измѣняя одежду и численность полка, лег-

ко измѣнить и духъ его, и, пряча подъ замокъ историческое одѣяніе, прославленное полкомъ, быть можетъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, можно положить подъ спудъ и отличавшее полкъ мужество, сдѣлавъ его похожимъ на всякій другой полкъ. Поговорка: «платье дѣлаетъ человѣка», нигдѣ не оправдывается съ такою полнотою, какъ въ солдатскомъ быту.

Большее или меньшее довѣріе солдата къ себѣ зависитъ отъ его оружія. Говоря о кавалеріи, мы будемъ только въ исключительныхъ случаяхъ говорить объ огнестрѣльномъ оружіи, потому что самое лучшее оружіе этого рода, когда солдатъ сидитъ на конѣ, служить для него болѣе помѣхой, чѣмъ приносить пользу. Обремененіе кавалериста различнымъ оружіемъ— важная ошибка; въ дѣлѣ одно будетъ мѣшать другому: такъ, напримѣръ, уланъ, вооруженный, кромѣ пика, саблей, карабиномъ и пистолетомъ, до такой степени обремененъ, что въ одиночномъ бою оказывается неповоротливымъ. Если легко вооруженный всадникъ успѣлъ отбить первый ударъ пика, то скоро справится съ нимъ.

Изъ всѣхъ родовъ кавалерійскаго оружія самое непрактическое— карабинъ, короткій, неудобный, тяжелый и шумный инструментъ, который скорѣе годится для ударовъ, чѣмъ для стрѣльбы. Привѣшенный сбоку, карабинъ бьетъ по локтю всадника и утомляетъ его плечо; когда же прикрѣпленъ къ сѣдлу, треть ему ногу, и во всякомъ положеніи становится бременемъ, какъ для лошади, такъ и для всадника, у котораго отнимаетъ свободу дѣйствій, а при быстромъ движеніи значительнаго сомкнутого строя бряцаніемъ колець заглушаетъ команду.

Цѣпь жалонеровъ никогда еще не останавливала непріятеля, желавшаго вступить въ рукопашный бой, и надо родиться подъ очень несчастливой звѣздой, чтобы быть раненымъ пулей изъ карабина. Фланкеры высылаются впередъ для осмотра мѣстности передъ фронтомъ, для прикрытія отступленія или чтобы не позволять непріятелю высматривать наше расположеніе. Они находятся впереди только для вида, не могутъ сдѣлать ничего важнаго и должны отступить при первомъ серьезномъ наступательномъ движеніи непріятеля. Слѣдовательно, фланкеры выполняютъ свое маловажное назначеніе однимъ своимъ присутствіемъ, и карабинъ, который не можетъ имѣть притязанія произвести на кого бы то ни было серьезное нравственное вліяніе, и стрѣльба изъ котораго, по причинѣ безпрестаннаго движенія

лошадей, можетъ быть только случайно вѣрною, нисколько не увеличиваетъ ни наступательной, ни оборонительной силы фланкеровъ. Для одной же пустой демонстраціи, если только она можетъ быть когда либо полезна, весьма достаточно пистолета.

Хорошій солдатъ неохотно возить карабинъ, зная, что ничего не сдѣлаетъ имъ. Плохому солдату онъ служитъ только лишнимъ предлогомъ для уклончивости и малодушія и примиряетъ его съ совѣстію, доставляя ему средство, не уклоняясь, повидимому отъ своего долга, встрѣчать непріятеля издали, тамъ, гдѣ онъ могъ бы вступить съ нимъ въ рукопашный бой.

Фланкеры, въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, какъ уже сказано, излишни. Мы не имѣемъ намѣренія утверждать, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не представится случая, когда бываетъ возможно и полезно вооружать кавалерію другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, кромѣ пистолета; но это оружіе должно соответствовать своему назначенію, должно быть дѣйствительно, а не служить только для вида. Въ слѣдующей главѣ, мы сдѣлаемъ по этому предмету предложеніе, исполненіе котораго удовлетворило бы вполне, по нашему мнѣнію, желаемой цѣли.

Одинъ пистолетъ достаточенъ, какъ оружіе для тревоги, на аванпостахъ. Вмѣсто того, чтобъ держать пистолетъ въ сѣдлѣ, гдѣ вообще невыгодно помѣщать оружіе и откуда трудно его скоро вынимать и обратно вкладывать, можно бы держать его на поясѣ или носить сзади, по-казацки, и посредствомъ шнурика, фута въ 4 длиною, привязаннаго къ прикладу, прикрѣплять къ правому бедру всадника такимъ образомъ, чтобы всадникъ могъ отбросить пистолетъ за лѣвое плечо и тѣмъ быстро освободиться отъ него. Это избавитъ солдата отъ опасности или потерять пистолетъ, или, вкладывая его въ свое мѣсто, упустить моментъ, отъ котораго, быть можетъ, зависитъ его жизнь.

Отмѣна употребленія карабина и сказанный способъ носки пистолета доставили бы еще ту выгоду, что кавалеристъ избавился бы отъ обременительнаго панталера съ шомполомъ и карабиннымъ крюкомъ.

Вообще, пистолетъ въ рукопашномъ бою плохое, ненадежное оружіе и можетъ служить только въ крайности, за неимѣніемъ лучшаго. Тотъ, кто рассчитываетъ на него больше, чѣмъ на свой клинокъ, поступаетъ весьма неосновательно. Что же касается до столь прославленнаго, въ послѣднее время, револьвера,

то онъ дѣйствительно можетъ быть полезенъ во время проѣзда по странѣ, наполненной разбойниками, для одиночныхъ людей, какъ, напримѣръ, для жандармовъ, курьеровъ, офицеровъ генеральнаго штаба и даже для пѣхотнаго офицера. Въ войнѣ подземной онъ еще полезнѣе. Но на кавалерію револьверъ можетъ имѣть самое вредное вліяніе, потому что солдатъ будетъ надѣяться тогда гораздо больше на свои шесть выстрѣловъ, чѣмъ на клинокъ, и, такимъ образомъ, потеряетъ довѣріе къ холодному оружію, а вмѣстѣ съ тѣмъ утратитъ и пылкость свою, т. е. главное достоинство.

Самое удобное и самое надежное для кавалериста оружіе холодное—сабля и пика.

Кавалеристъ не долженъ находиться въ такомъ положеніи, въ которомъ онъ могъ бы думать, что для него существуетъ (когда онъ верхомъ) другой образъ расправы съ противникомъ, кромѣ рукопашной схватки. Вся сила его заключается въ неотразимой стремительности его удара и въ рубкѣ. Кто не признаетъ этого, не можетъ быть кавалеристомъ.

Фехтованіе мы считаемъ вреднымъ для кавалеріи, по слѣдующимъ причинамъ: искусство фехтованія хотя и можетъ быть полезно для борьбы одиночныхъ всадниковъ, но если оно введено въ употребленіе въ сомкнутомъ строю, то будетъ причиной пораженія кавалеріи. Умѣющая фехтовать кавалерія больше парировуетъ, чѣмъ рубитъ. По врожденному чувству самосохраненія, человекъ и безъ того будетъ уклоняться отъ наносимаго ему удара; потому невозможно упрекать солдата, обученнаго фехтованію, если онъ, при встрѣчѣ съ неприятелемъ, будетъ парировать направленный на него ударъ. Тотъ же, кто не умѣетъ фехтовать, будетъ, напротивъ, стараться предупредить противника, а не выжидать его нападенія. Онъ будетъ рубить, чтобъ, по возможности, выиграть первый ударъ или отбить ударъ противника.

Отъ перваго удара зависитъ успѣхъ атаки противъ кавалеріи, и въ рукопашномъ бою рѣшаетъ дѣло число ударовъ, а не число парированій.

Рукопашный бой не есть поединокъ съ однимъ противникомъ: это скорѣе бой одного противъ всѣхъ, и кто будетъ стараться, съ помощію фехтовальныхъ тонкостей, удержать одного противника, тотъ рискуетъ быть изрубленнымъ его сосѣдомъ.

Рубка съ плеча, сколь возможно стремительная и сильная,

удерживаетъ и обращаетъ въ бѣгство непріятеля чаще, чѣмъ искусное фехтованіе.

Есть еще причина, по которой слѣдовало бы уничтожить въ кавалеріи фехтованіе, именно та, что оно требуетъ короткихъ ударовъ кистью и, напротивъ, запрещаетъ сильный размахъ всей рукой. Фехтовальный ударъ, нанесенный кистью, рѣдкошибаетъ противника съ сѣдла, а, между тѣмъ, ударъ, нанесенный напряженіемъ всей руки и туловища, или такъ называемый эскадронный ударъ, едва ли позволить ему усидѣть на конѣ.

Въ кавалеріи слѣдуетъ ограничиться упражненіемъ въ однихъ эскадронныхъ ударахъ, чтобы солдатъ приучался рубить быстро, ловко и сильно.

Сверхъ того, надобно приучать его вѣрно рубить остриемъ сабли и мѣтко колоть пикой, если она его оружіе, потому что, во первыхъ, нелегко попасть безъ упражненія именно въ то мѣсто, въ которое мѣтишь, а во вторыхъ, отъ однихъ эскадронныхъ ударовъ по воздуху рука привыкаетъ къ ударамъ плашмя, равно какъ отъ ударовъ пикой безъ цѣли она не можетъ получить вѣрнаго направленія.

Одинъ вѣрно направленный ударъ избавляетъ отъ втораго.

Ни въ одной еще арміи, сколько намъ извѣстно, не введено въ употребленіе упражненіе съ отточеннымъ оружіемъ и съ предметомъ, напримѣръ съ болванами или съ набитыми чучелами, несмотря на то, что такимъ только способомъ, по собственному опыту, солдатъ можетъ приучиться пользоваться нужными выгодами и судить о силѣ и вѣрности своей руки. Хотя это нововведеніе обойдется дѣйствительно дорого, но оно представляетъ столь значительныя выгоды, что не стоитъ обращать вниманія на издержки, причиняемыя ломкою клинковъ и пикъ. То государство, которое, для сбереженія своего желѣза, отнимаетъ у своей кавалеріи средство къ усовершенствованію въ употребленіи ея оружія, поступить столько же неосновательно, какъ то, которое, по экономическимъ расчетамъ, стало бы отказывать въ порохѣ своимъ стрѣлкамъ для стрѣльбы въ цѣль.

Лучшая кавалерійская сабля есть нѣсколько кривая, которая преимущественно употребляется для рубки и, въ то же время, позволяетъ колоть: для многихъ солдатъ легче колоть, чѣмъ рубить, и весьма важно доставить имъ полную свободу въ употребленіи своего оружія.

Сабля не должна быть слишкомъ длинна, для того, чтобъ можно было удобно владѣть ею; настоящая длина ея будетъ тогда, когда конецъ сабли доходить до нижней части уха, если взять саблю большимъ и указательнымъ пальцемъ за ефесъ и держать ее вдоль вытянутой руки, прижатой къ тѣлу.

Сабля должна быть достаточно широка, тяжела и имѣть столько перевѣса въ передней части, чтобъ надрубать деревянную колодку, когда будетъ опущена свободно этимъ концомъ.

Чѣмъ тяжелѣе ефесъ, тѣмъ болѣе сабля теряетъ перевѣса и тѣмъ слабѣе и менѣе вѣренъ становится ея ударъ. Сильный размахъ восточныхъ сабель происходитъ не столько отъ доброты клинка, сколько отъ легкости ефеса; тяжелая коробка ефеса, полезная при фехтованіи, теряетъ свое значеніе, когда солдатъ долженъ наносить только эспадронные удары. Подобнаго рода сабли, съ которыми нечего и думать о парированіи, нисколько не подвергаютъ руку большей опасности, чѣмъ остальные части тѣла; напротивъ того, если коробка будетъ разбита пулею, то она дѣлается гораздо опаснѣе для руки, чѣмъ самая пуля. Наболѣе удобна для кавалерійской сабли простая, нѣсколько согнутая впередъ рукоятка, которая для большого перевѣса клинка не должна имѣть никакого прикрытія для руки, кромѣ простаго перекреста.

Что же касается до ноженъ, то мы полагаемъ, что деревянные ножны, обтянутыя кожей, гораздо удобнѣе желѣзныхъ: послѣднія притупляютъ клинокъ и своимъ бряцаніемъ о кольца и пряжки заглушаютъ команду.

Ошибочно полагаютъ, что пика дѣйствительнѣе противъ пѣхоты, чѣмъ сабля. Успѣхъ атаки противъ пѣхоты зависитъ отъ натиска лошадей, а не отъ большей или меньшей длины оружія. Всадникъ, который остановится передъ каре, чтобъ положить себѣ дорогу пикой, едва ли попадетъ въ когонибудь, даже съ самымъ длиннымъ древкомъ, потому что лошадь пуглива, кидается въ сторону отъ пѣхоты, особенно если пѣхота производитъ пальбу и имѣетъ штыки, и, разъ остановленная на скаку, несмотря на шпоры и поворачиваніе, лошадь не подѣдетъ уже къ пѣхотѣ на такое разстояніе, съ котораго всадникъ могъ бы употребить въ дѣло свою саблю или пикю.

Только тогда, когда кавалеристу удастся прорваться въ каре стремительнымъ натискомъ коня, онъ можетъ употребить въ дѣло свое холодное оружіе, и въ такомъ случаѣ, при схваткѣ, ко-

роткая сабля будетъ ему полезнѣе, чѣмъ длинная, неудобная пика.

Напротивъ того, пика усиливаетъ сомкнутый ударъ *противъ кавалеріи* и въ особенности полезна въ рукопашномъ бою *съ артиллеріею*, потому что даетъ возможность всаднику колоть тѣхъ людей, которые укрываются за орудіями.

Пика должна быть такъ устроена, чтобъ ею удобно было владѣть, а для этого она должна быть легка и соразмѣрной длины. Пика такое оружіе, которое представляетъ наиболѣе трудностей для употребленія; потому пикую слѣдуетъ вооружать только тѣхъ людей, которые имѣютъ довольно способности и ловкости, чтобъ ловко владѣть ею.

По этой причинѣ мы считаемъ бесполезнымъ вооружать весь полкъ пиками, за исключеніемъ развѣ того случая, когда всѣ солдаты будутъ исключительно подобраны для этой цѣли, что, впрочемъ, довольно трудно привести въ исполненіе.

Если же послѣднее обстоятельство не существуетъ, то всадникъ, вооруженный пикой, послѣ перваго столкновенія, остается совершенно во власти противника, владѣющаго даже посредственно саблей или штыкомъ, и долженъ, для защиты своей, обмѣнять пикю на саблю.

О нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ кавалеріи.

Несмотря на общепринятое правило, допускаемое даже старыми и опытными людьми, что безусловно-однообразное распределеніе оружія составляетъ силу кавалерійскаго удара, мы должны сознаться, что считаемъ его за предразсудокъ, въ которомъ упускается изъ вида назначеніе кавалеріи—дѣйствовать самостоятельно во всѣхъ положеніяхъ. Мы думаемъ, напротивъ, что извѣстная правильная смѣсь оружія увеличить дѣйствительность кавалерійскаго полка, а потому позволяемъ себѣ, вмѣсто всякихъ теоретическихъ разсужденій, представить читателю кавалерійскую часть, вооруженную смѣшаннымъ оружіемъ, и пусть его практической взглядъ рѣшитъ: правы ли мы, или неправы.

Во всей этой статьѣ, мы старались показать, что тяжелая кавалерія уже несовременна и что только легкая кавалерія удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ новѣйшаго военного искусства. Поэтому мы и принимаемъ ее за норму для современной кавалеріи.

Для того же, чтобы придать кавалеріи, безъ ущерба главно-

му свойству ея, должную стойкость, силу и средство къ оборонѣ, которыя, такъ какъ мы допускаемъ одинъ родъ кавалеріи, необходимы для доставленія ей возможности дѣйствовать самостоятельно во всѣхъ положеніяхъ, мы предлагаемъ вооружить ее слѣдующимъ образомъ: сначала возьмемъ одинъ эскадронъ, состоящій изъ четырехъ взводовъ, который послужитъ образцомъ для всѣхъ другихъ. Этотъ эскадронъ мы вооружаемъ, безъ изыятія, саблями и пистолетами и, сверхъ того, первой шеренгѣ втораго и третьяго взводовъ, составляющихъ центръ, даемъ пики. Въ центрѣ эскадрона заключается вся сила его, а пика есть оружіе, наиболѣе полезное для сомкнутой атаки и для прорыва непріятельскаго фронта. Поэтому число пикъ въ эскадронѣ будетъ относиться къ числу сабель, какъ 1 : 4.

Когда эскадронъ вступить съ непріятелемъ въ рукопашный бой, гдѣ пика уже бесполезна, то люди второй шеренги двухъ среднихъ взводовъ, составляющихъ центръ, могутъ поддержать саблей своихъ переднихъ товарищей и не должны оставлять ихъ.

Что же касается до обоихъ фланговыхъ взводовъ, перваго и четвертаго, то они вооружены только саблей и пистолетомъ. Подобно фланкерамъ, они могутъ разсыпаться для осмотра мѣстности передъ фронтомъ при атакѣ, въ то время, когда средніе взводы производятъ сомкнутую атаку. Фланговые взводы атакуютъ въ-разсыпную, стараясь обхватить непріятеля съ фланговъ и ворваться въ его интервалы.

Такимъ образомъ, мы соединяемъ въ одномъ эскадронѣ стремительность легкой кавалеріи со стойкостію и силою тяжелой.

Но какъ эскадронъ, не поддержанный пѣхотой или артиллеріей, можетъ быть поставленъ въ необходимость оставаться на мѣстѣ подъ выстрѣлами непріятеля, для прикрытія движенія или для удержанія противника своимъ присутствіемъ, то очень важно, чтобъ онъ обладалъ не одной наступательной силой, но и оборонительной. Эта оборонительная способность и заключается въ огнестрѣльномъ оружіи.

Поэтому въ обоихъ фланговыхъ взводахъ мы вооружаемъ отъ десяти до двѣнадцати хорошихъ стрѣлковъ легкими штуцерами, повѣшенными черезъ плечо, которые назначаются для стрѣльбы спѣшившись, потому что мѣтко стрѣлять верхомъ невозможно.

Тамъ, гдѣ расположеніе непріятеля, мѣстность или какія бы то ни было обстоятельства боя потребуютъ огнестрѣльнаго дѣй-

ствія, оба фланговые взвода эскадрона выдвигаются впередъ на 200 или 300 шаговъ, стрѣлки спѣшиваются, разсыпаются, стараясь по возможности прикрываться, образуютъ передъ фронтомъ неправильныя группы и мѣткимъ огнемъ препятствуютъ приближенію непріятеля, особенно его артиллеріи. 1-й и 4-й взводы образуютъ вторую линію и держатся въ небольшомъ разстояніи отъ цѣпи съ лошадьми спѣшенныхъ людей, чтобы имѣть ихъ подъ рукою на случай, когда, по измѣнившимся обстоятельствамъ боя, они должны будутъ сѣсть на коней. Оба взвода, вооруженные пиками, образуютъ наконецъ третью линію, остаются на прежнемъ мѣстѣ въ видѣ резерва и, смотря по надобности, держатся въ готовности въ развернутомъ строѣ или въ колоннѣ, чтобъ быстрымъ наступленіемъ сомкнутого строя поддержать своихъ стрѣлковъ и прикрыть ихъ отступленіе.

Когда полкъ завяжетъ перестрѣлку, тогда каждый изъ эскадроновъ, отъ которыхъ высланы впередъ стрѣлки, дѣйствуетъ какъ сказано. Одинъ же или два сомкнутыхъ эскадрона, смотря по обстоятельствамъ, образуютъ четвертую линію и тѣмъ придаютъ цѣлому строю необходимую опору.

При такомъ расположеніи, ясно, что всѣ части должны оставлять между собою достаточныя промежутки, затѣмъ, чтобъ простымъ движеніемъ на линію различныхъ боевыхъ линій могли мгновенно возстановить фронтъ для атаки.

Конные ракетные взводы, приданные каждому казачьему полку, были бы весьма полезны, а если бы ихъ ввели въ регулярную кавалерію, то вышеупомянутый способъ обороны пріобрѣлъ бы существенное усовершенствованіе.

Подобное употребленіе стрѣлковъ должно быть только въ исключительныхъ случаяхъ и по возможности на мѣстности пересѣченной, тамъ, гдѣ непріятельская кавалерія не можетъ атаковать ихъ внезапно и гдѣ можно было бы расположить подъ закрытіемъ какъ лошадей спѣшенныхъ всадниковъ, такъ и резервы. Иначе полкъ долженъ ограничиться холоднымъ оружіемъ и дѣйствовать однимъ имъ, если только возможно обойтись безъ содѣйствія стрѣлковъ, потому что, какъ мы уже говорили, ничто не портитъ такъ кавалериста, какъ привычка къ оборонительному, т. е. огнестрѣльному оружію, вмѣсто наступательнаго-холоднаго.

Предлагасмое спѣшенное вооруженіе имѣетъ еще тѣ два боль-

шія преимущества, что, во первыхъ, даетъ возможность эскадроннымъ командирамъ распредѣлять оружіе смотря по способностямъ солдатъ и свойству лошадей, а во вторыхъ уничтожить разъ навсегда устарѣлую, непрактическую систему употребленія совершенно недействительныхъ правильныхъ цѣпей фланкероувъ, а съ ними вмѣстѣ и карабиновъ.

Если хотять, чтобы атака была дѣйствительна, то офицеры должны ѣхать передъ фронтомъ, а не во фронтѣ. Только тогда они могутъ однимъ взглядомъ объять всю свою часть и, въ то же время, быть видимы всѣми своими солдатами, которыхъ они должны воодушевлять своимъ примѣромъ. Чѣмъ отважнѣе ѣдетъ впередъ офицеръ, тѣмъ охотнѣе слѣдуютъ за нимъ его люди. Если же, напротивъ того, нѣтъ непосредственно передъ фронтомъ никого, кто бы могъ ободрить солдатъ и тѣмъ заставить ихъ не отставать отъ себя, то атака будетъ слаба и можетъ сдѣлаться неудачной.

Не слѣдуетъ думать, чтобы такимъ образомъ офицеръ подвергался большей опасности, чѣмъ солдатъ: моментъ столкновенія съ непріателемъ столь быстръ, что онъ не успѣетъ еще нанести первый ударъ, какъ уже будетъ настигнуть своими; что же касается до непріятельскаго штуцернаго огня, то офицеръ подвергается ему не болѣе, чѣмъ всякій другой, потому что съ разстоянія выстрѣла невозможно рассмотреть, кто находится во фронтѣ или впереди его.

Почти всѣ уставы дѣлають большую ошибку въ томъ, что допускають, при отступленіи кавалеріи, только шагъ и рысь. Кавалерія должна уйти изъ-подъ непріятельскаго огня столь же быстро, какъ она бросилась въ огонь; она должна исчезнуть такимъ же образомъ, какъ появилась, и пользоваться всѣми средствами, чтобъ понести возможно меньшую потерю въ людяхъ. Отступленіе на рысяхъ, подъ непріятельскими пулями, стоитъ часто дороже, чѣмъ самая атака, и этой бесполезной жертвой людей принуждають, такъ сказать, войска искать въ бѣгствѣ спасенія, которое они, не нарушая своего долга и чести, могли бы найти въ установленномъ быстромъ отступленіи.

Если намъ возразять, что отступленіе на карьерѣ можетъ легко превратиться въ безпорядочное бѣгство, то мы отвѣтимъ на это, что плохая кавалерія приходитъ въ разсройство и бѣжитъ именно тогда, когда замедляють ея отступленіе; хорошая

же кавалерія не потеряется какъ при быстромъ, такъ и при медленномъ отступленіи.

Другое заблужденіе теоретиковъ, которымъ мы обязаны строевыми уставами, состоитъ въ держаніи сабель въ рукѣ безъ всякой надобности, отчего солдатъ утомляется и теряетъ влеченіе къ бою. Вслѣдствіе этого педантизма, кавалерію держатъ съ вынутыми саблями по цѣлымъ часамъ, а иногда и во все продолженіе боя, и, такимъ образомъ, сабля дѣлается бесполезнымъ и обременительнымъ оружіемъ, которое, утомляя руку, протирая панталоны, — для рубки употребляется рѣдко.

Держаніе сабли въ рукѣ не должно обращаться въ привычку. Вынимать клинокъ изъ ноженъ слѣдуетъ только въ крайнемъ случаѣ, тамъ, гдѣ необходимо непосредственно пустить кровь непріятелю. Надобно, чтобы солдатъ въ оружіи своемъ искалъ себѣ спасенія отъ несноснаго бездѣйствія, которое онъ принужденъ иногда терпѣть подъ непріятельскимъ огнемъ во время боя; надобно, чтобы онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ боя. Тогда только онъ энергически схватится за рукоятку; имъ овладѣетъ энтузіазмъ, и въ этотъ моментъ онъ неодолимъ. Умѣть довести людей до такого состоянія, уловить этотъ моментъ и быстро воспользоваться имъ, когда слѣдуетъ, вообще же быть осторожнымъ и бережливымъ на это драгоцѣнное мгновеніе — вотъ что отличаетъ истиннаго кавалериста отъ мнимаго. Только при первомъ видѣ приближающагося непріятеля, при звукѣ сигнала для атаки должна раздаться вдохновляющая команда: «сабли вонъ». Тогда съ шумомъ и блескомъ вылетаютъ клинки, возвышая нравственную силу людей; затѣмъ карьеръ и атака опрокидываютъ все.

Въ заключеніе мы должны сказать, что числительная сила составляетъ основаніе боевыхъ средствъ кавалерійскаго полка.

Подобно баталіону пѣхоты, полкъ кавалеріи есть отдѣльная цѣлая часть, которая должна дѣйствовать самостоятельно, а потому онъ пріобрѣтаетъ стойкость и довѣріе къ самому себѣ отъ числительной силы своей.

На войнѣ часто случается, что полкъ, рассматриваемый какъ боевая единица, бываетъ противопоставленъ другому полку: въ такомъ случаѣ, при одинаковомъ мужествѣ, слабѣйшій долженъ очевидно уступить сильнѣйшему. Однако, тогда не стануть говорить, что, напримѣръ, 1,200 австрійскихъ кавалеристовъ разбили 500 англійскихъ, а скажутъ просто, что англійскій полкъ былъ

побѣжденъ австрійскимъ. Ясно, что отъ этого самыя храбрыя войска могутъ получить совершенно незаслуженную репутацію трусовъ, а такую молву не уничтожатъ пѣлые голы отличія, и постепенно она такъ вредно дѣйствуетъ на духъ солдатъ, что они становятся наконецъ дѣйствительно неважными.

Шесть эскадроновъ, въ 150 коней каждый, есть настоящая сила, которую полкъ долженъ имѣть, чтобы, съ одной стороны, онъ могъ слышать команду начальника, а съ другой имѣть возможность выполнить свое назначеніе противъ непріятеля. Кромѣ того, если рѣшатся уничтожить карабины и желѣзные ножны, то голосъ командующаго офицера будетъ гораздо слышнѣе, чѣмъ теперь, когда бряцаніе колець и пряжекъ часто заглушаетъ его слова. Если же вычестъ часть людей, употребляемыхъ для конвоя, на ординарцы, въ разъѣзды и проч., и бывшихъ изъ строя во время кампаніи отъ смерти, болѣзней, ранъ или отъ убыли лошадей, и тогда въ полку даже сильнаго состава останется едва необходимое число, чтобы съ честью держаться противъ непріятеля.

Тотъ, кто желаетъ сдѣлать кавалерію тѣмъ, чѣмъ она должна быть въ наше время, долженъ быть прежде всего убѣжденъ, что устарѣлая рутина не всегда лучшее средство. Пусть не придерживается онъ слѣпо педантическихъ преданій, пусть не потворствуетъ стариннымъ предрассудкамъ, а, напротивъ того, имѣетъ въ виду одни вѣрныя и практическія начала. Тогда онъ согласится съ справедливостію указанныхъ нами правилъ.
